

III. Змѣй. Волкъ. Вѣдьма.

13. По видимому, ошибаются тѣ, которые, имѣя въ виду названіе змѣя огненнымъ, считаютъ змѣя за одно лице съ благотворнымъ, хотя и грознымъ божествомъ, грома.¹ Кромѣ связи змѣя съ огнемъ есть и другая, не менѣе ясная и важная, именно съ водою. Однимъ предположеніемъ, что змѣй есть небесный огонь, наврядъ возможно объяснить то, что змѣй стережетъ воду,² что онъ насылается водянымъ Царемъ и появляется изъ воды,³ что живущій въ озерѣ, или Днѣпрѣ, змѣй теряетъ свою силу, когда солнце обсушитъ ему голову, или когда онъ обсохнетъ отъ внутренняго огня.⁴ Связь змѣя съ земною водою предполагаетъ связь съ небесною, т. е., съ тучею. Въ слѣдующей Словенской сказкѣ трудно не видѣть тождества змѣя съ бурною тучею: Разъ чабанъ (баѣа) попалъ въ пещеру, гдѣ зимовали змѣи, проспалъ съ ними всю зиму, и уже лѣтомъ выпущенъ на свѣтъ, подъ условіемъ никому не говорить, что съ нимъ было. Онъ не сдержалъ слова, и за это старшая змѣя, оборотившись огненнымъ змѣемъ, подхватила его на спину и понесла выше лѣсу. Настала густая тьма, и только огонь изъ пасти и глазъ змѣя свѣтилъ имъ на пути. Земля тряслась и камни сыпались градомъ. Змѣй злобно хлесталъ себя хвостомъ по бокамъ, и какую ель ни захватитъ хвостомъ, переломитъ, какъ прутикъ, а воды лилъ изъ себя столько, что она рѣкою текла съ горъ въ долины.

¹ Hapuš, Kalend. III; Аванасьевъ, Зооморф. божества 102 и слѣд.

² Карадж. Пѣсм. II, 31; З. о Ю. Р. II, 54.

³ Аван. Ск. II, 50.

⁴ Карадж. Прип. 34; З. о Ю. Р. II, 27.

Понемногу змѣй успокоился, не дышалъ пламенемъ, не лилъ воды, но поднимался все выше и выше, такъ что высокія горы стали казаться пастуху муравейниками. Наконецъ змѣй повисъ въ воздухѣ на такой высотѣ, что не видно было ничего, кромѣ солнца и тучъ. Пастухъ сталъ просить змѣя такъ умильно, что камень бы сжалился, но змѣй только сопѣлъ и фыркалъ. Тогда пастухъ услышалъ надъ собою пѣсню жаворонка и обратился къ нему съ просьбою: «Жаворонокъ, милая Богу птичка, полети къ Отцу Небесному и расскажи мое горе!» Жаворонокъ полетѣлъ къ Богу. Богъ сжалился, написалъ что-то золотымъ письмомъ на березовомъ листкѣ и приказалъ жаворонку опустить этотъ листокъ на змѣеву голову. Тогда змѣй слетѣлъ съ пастухомъ на землю.⁵ Если этотъ рассказъ невѣренъ, т. е., не отъ народа, то не дурно выдуманъ, по тому что и по другимъ извѣстіямъ змѣй есть туча. Въ Волошской сказкѣ змѣи, похищающіе трехъ Царевенъ, названы туманными (Nebeldrachen).⁶ Въ демонологіи Волоховъ есть Вильва, змѣй съ длиннымъ хвостомъ и неуклюжими крыльями. Вильвы летаютъ по небу то порывисто, то плавно и медленно. Каждая страна, или, какъ говорятъ Волохи, каждый Царь и Король имѣетъ свою Вильву. Воздушныя пространства раздѣлены между ними, и онѣ встрѣчаются тамъ то мирно, то враждебно, то сгоняютъ свои облака въ одно стадо, то разгоняютъ, то сталкиваютъ ихъ между собою и бьются до тѣхъ поръ, пока одна сторона не переможетъ. Отъ побѣды, или пораженія, Вильвы зависятъ въ ея странѣ хорошая погода, или опустошительные дожди.⁷ У Сербовъ есть такой же облачный змѣй, Ала: «За Алу се мисли, да има... особиту духовну силу те лети и води облаке и градъ наводи на лѣтину.» О ненасытномъ человѣкѣ говорится: «Ало не-сита!» Пословица говоритъ: «Бори се као ала съ беритетомъ», борется какъ змѣй съ урожаемъ, по тому что змѣй наводитъ тучи и побиваетъ хлѣба градомъ.⁸

⁵ B. Němcova, Slov. Pohad. 230.

⁶ Schott, Walach. Märch. 85.

⁷ Schott, ib. 296.

⁸ Карадж. Срб. рѣчн. и Срб. посл.

Въ одной изъ вышеприведенныхъ сказокъ Царевичъ находитъ въ 12-мъ погребѣ большую бочку. Голосъ изъ нея проситъ воды. Царевичъ вливаетъ туда три чаши воды. Послѣ каждой чаши лопається на бочкѣ по обручу. За третьимъ разомъ вылетаетъ оттуда змѣй и по дорогѣ похищаетъ жену Царевича. Здѣсь важно какъ то, что змѣй ослабѣваетъ отъ жажды и что вода даетъ ему силу, такъ и то, что онъ въ бочкѣ.⁹ Подобно этому, въ Греческихъ и Индійскихъ Мифахъ облачное существо называется прямо бочкою. Аполлонъ похищаетъ нимфу Мелію, дочь Океана. Океанъ посылаетъ въ погоню своего сына и ея брата, Каанѳа. Каанѳ мечетъ огонь (перуны) на Аполлона, который за это убиваетъ его стрѣлою. Мелія (ясенъ), дочь Океана, есть туча. Доказывать этого не будемъ, ссылаясь на Куна, и замѣтимъ только, что названа она Мелією, по тому что деревомъ, ясенемъ, представлялись многовѣтвистыя облака. Похититель ея, Аполлонъ, солнце, обнаруживаетъ сродство съ Индійскимъ божествомъ бури, Рудрою.¹⁰ Каанѳъ уже по родству съ Мелією, а еще болѣе по тому, что онъ врагъ Аполлона и мечетъ перуны, есть мрачная грозная туча. Его имя съ дигаммою (Κά=χυθος), буква въ букву соотвѣтствуетъ Санскритскому Кавандһа, кабандһа, что значить: бочка и вообще брюхатый сосудъ, туловище, туча и живущій въ ней демонъ. Какъ Каанѳъ сражается съ Аполлономъ и пораженъ его стрѣлами, такъ Кабандһа стрѣлами Индры.¹¹ Если, какъ полагаемъ, Кабандһа есть нашъ змѣй, и если, на основаніи Греческаго мифа, слѣдуетъ принять, что и Кабандһа, какъ Каанѳъ, мечетъ на своего врага громовыя стрѣлы, то ясно, откуда пошло названіе змѣя огненнымъ, и до какой степени вѣрно отождествленіе его съ перуномъ. Сближеніе не змѣя, а другаго облачнаго существа, съ сосудомъ, видно въ Германскомъ повѣртіи, что Нѣмецкая Гольда (Frau Holt), Сканд. Гульдра, только спереди красива, а сзади похожа на дуленастое дерево, или на дежу (wie ein holer Baum von rohen Rinden, wie ein Backtrog).¹² О подоб-

⁹ Ср. Пѣснь чорта въ бочкѣ, Schott, Märch. 119.

¹⁰ Zeitschr. f. Myth., v. Mannh. III, Kuhn, 381.

¹¹ Kuhn, Die Herabkunft des Feuers, 133 — 134.

¹² Mannh. Germ., Myth. 258—260.

номъ представленіи другихъ облачныхъ существъ скажемъ ниже. Слѣды такого же сочетанія представленій бочки и тучи, какъ въ Скр. кабандна кѣса, кѣша (бочка, ведро, туль, туча), находимъ въ выраженіи: «дождь, какъ изъ ведра,» *es giesst mit Mollen, Mulden:* въ дѣтской пѣснѣ «Иди, иди, дощичу.... цебромъ, ведромъ, дѣйницею, надъ нашею пшеницею»; въ Нѣмецкой примѣтѣ, если за столомъ не ѣдятъ все дочиста, то будетъ погода⁴³ (порожній сосудъ = лишенная дождя туча); въ Сербскомъ обычаѣ во время града выносить передъ избу столъ съ ложками (пустыми; въ основаніи то же сравненіе, что и въ Нѣмецкой примѣтѣ).⁴⁴

Враждѣ Аполлона и Каанѣа, Индры и Кабанды соотвѣствуетъ у насъ не только борьба громоваго бога змѣя, но и вражда солнца и тучи, солнца и змѣя. Въ Сербскомъ солнцева мать говоритъ о своемъ сынѣ: «Вотъ идетъ солнце усталое, а можетъ быть разсерженное о облаками.»⁴⁵ Малороссійская пѣсня говоритъ, что змѣй (собственно змѣя) сѣдаетъ свѣтила:

Ты жь не мати — чорна гадина!
Зъѣла сонце, зъѣжъ и мѣсяця,
Зъѣжъ и зѣрочки — дробній дѣточки!

Къ этому пожиранью свѣтилъ змѣемъ, столько же, какъ и къ пожиранью ихъ волкомъ, могутъ относиться извѣстныя лѣтописныя мѣста о затмѣніи: «солнце... его же невѣгласи глаголють снѣдаему сущу;» «бысть знаменіе въ солнци, яко погибнути ему». Караджичъ, въ объясненіе, по чему враги Турки зовутся змѣями («Зміє одъ Турака» и пр.), приводитъ повѣрье: «Само сунце трепти, кадъ ко змію біе, и радуе се, говорети: «како мой мравакъ аждаю біе!»⁴⁶ Такъ и въ Черноморьи: солнце радуется, когда кто убьетъ змѣю; за каждую убитую гадюку прощается человѣку одинъ грѣхъ, и по тому дѣти нарочно ходятъ бить змѣй въ такіа

⁴³ Wolf, Beitr. I, 218.

⁴⁴ Карадж. Рѣчн. Град.

⁴⁵ Карадж. Прип. 70.

⁴⁶ Карадж. Посл. 274.

мѣста, гдѣ онѣ водятся, на примѣръ на кладбища.—⁴⁷ Караджичъ приводитъ сказку о Королѣ Троянѣ, жившемъ нѣкогда въ городѣ Троянѣ, по горѣ Церѣ, между Зворникомъ и Шабцемъ. Этотъ Троянъ ѣздилъ всякую ночь въ Срѣмъ, на любовное свиданіе. Днемъ онъ не смѣлъ ѣздить, чтобъ не растаятъ отъ солнца. Разъ мужъ, или братъ его любовницы, засыпалъ его конямъ песку, вмѣсто корму, и повырывалъ языки у всѣхъ пѣтуховъ. Въ слѣдствіе этого Троянъ запоздалъ. На возвратномъ пути застигло его солнце. Онъ слѣзъ съ коня и спрятался въ копицу сѣна, но скотъ разбилъ копицу, и солнце расточило Трояна.⁴⁸ Вольфъ и Буслаевъ сближаютъ Трояна съ Сканд. альдюмъ мрака, карликомъ Альвлюмъ (Всеѣдущимъ). Альвисъ просилъ у Тора дочь себѣ въ жены. Торъ, чтобъ отдѣлаться отъ него, задержалъ его разспросами до бѣлаго дня. Отъ солнечныхъ лучей Альвисъ превратился въ камень. Мы не устраняемъ этого сближенія, но для насъ гораздо важнѣе объясненіе, вытекающее изъ другой сказки о Троянѣ.⁴⁹ Былъ змѣй, царь-змѣя (гуя-царь), который дневалъ въ Церѣ, а ночевалъ въ Ночаѣ (селѣ въ Мачвѣ). Онъ кормился малыми дѣтьми, которыхъ ему приносили каждое утро... У этого змѣя былъ крылатый конь, на которомъ всякую ночь ѣздилъ изъ Ночая въ Церъ (вѣроятно, для того, же, для чего и Троянъ), и пѣтухъ, котораго онъ возилъ съ собою и который пѣньемъ указывалъ ему время. Мальчику, слугѣ змѣя, надоѣло сторожить по ночамъ, и онъ, вмѣсто обычнаго корма, засыпалъ змѣеву коню песку, а у пѣтуха выдернулъ языкъ. Змѣй просыпался въ ту ночь нѣсколько разъ и спрашивалъ, не пора ли?—«Не пора, отвѣчалъ ему слуга, по тому что конь еще не поѣлъ корму и пѣтухъ не пѣлъ.» Наконецъ забѣлѣлась зоря. Змѣй испугался и пустился бѣжать пѣшкомъ. На одномъ мѣстѣ отпали у него пяты (табани), и это мѣсто стало съ тѣхъ поръ называться Табановить (село); на другомъ онъ ослѣпъ, и мѣсто это прозвалось Слепчевить; на третьемъ онъ принужденъ былъ бросить щитъ, которымъ закрывался отъ солнца, отъ чего мѣсто прозвалось Штитаръ. Когда

⁴⁷ Слышано отъ Черноморца.

⁴⁸ Карадж. Рѣчи. Троянъ.

⁴⁹ Wolf, Beitr. II, 321; Буслаевъ, Очерки I, 387.

²⁰ Худяковъ, Матер. для изуч. Нар. Слов. 863, 23, 40.

же солнце поднялось высоко, то змѣй совсѣмъ растаялъ отъ его лучей. Худяковъ совершенно справедливо видитъ въ этомъ змѣѣ Трояна, и основывается на томъ, что обѣ сказки приурочены къ Церу. Такимъ образомъ Змѣй-Троянъ, пожирающій дѣтей, есть врагъ солнца, по тому что гибнетъ отъ его лучей. Оба варіанта говорятъ, что онъ таетъ. На этомъ основаніи видимъ въ немъ сочетание представленій зимы, холода и мрака, то же самое, какое въ Сканд. Гримтурсахъ (великанахъ-иней) изъ коихъ одного въ Норвежской сказкѣ лисица такъ долго задерживаетъ разсказами, пока онъ не лопається отъ лучей взошедшаго солнца.

Позволяемъ себѣ сдѣлать догадку, что змѣй-врагъ носить имя историческаго врага Императора Траяна, и основываемся на томъ, что и Діоклитіанъ въ Задунайскихъ повѣрьяхъ представляется змѣемъ или, по позднѣйшему пониманію, чортомъ. Когда дьяволы, говоритъ Сербская сказка, отпали отъ Бога и бѣжали по землѣ, то унесли съ собою и солнце. Дьявольскій Царь набилъ его на копье и носилъ на плечѣ. Внявши мольбамъ земли, Богъ послалъ Архангела какъ ни будь добыть солнце. Съ этою цѣлью Архангелъ подружился съ дьявольскимъ Царемъ. Разъ стали они вмѣстѣ купаться въ морѣ. «Дай посмотримъ, говоритъ Архангелъ, кто глубже нырнетъ!» Нырнулъ и вынесъ въ зубахъ морскаго песку. Нужно было нырнуть и дьяволу, а страшно, чтобы тѣмъ временемъ Архангелъ не унесъ солнца. Вотъ онъ плюнулъ и изъ слюны (слюна=рѣчь, слово ²¹) стала сорока («тица злогласница», говорящая птица, вѣщица), которой онъ поручилъ стеречь солнце. Когда онъ нырнулъ, Архангелъ покрылъ море льдомъ въ 9 аршинъ толщины, схватилъ солнце и побѣжалъ. Сорока подняла крикъ, дьяволъ услышалъ, пробилъ ледъ и пустился въ погоню. Онъ догналъ Архангела, когда этотъ одною ногою стоялъ уже на небѣ, и успѣлъ только вырвать когтями изъ подошвы другой ноги большой кусокъ мяса. Въ угоду окалѣченному Архангелу, Богъ сдѣлалъ у всѣхъ людей на подошвѣ выемку. ²² Въ пѣснѣ подоб-

²¹ О нѣкоторыхъ симв. 81—84.

²² Карадж. Пѣсм. II, 84.

наго содержанія Ангелъ замѣненъ Крестителемъ Іоанномъ, дьявольскій Царь—Царемъ Дуклянѣмъ (Діоклитіанѣмъ), а солнце золотѣю короною. Послѣдняя замѣна не выдержана. Иванъ Креститель похищаетъ изъ подъ шапки корону, но, явившись къ Богу, «сыйно сунце на небо донесе.»²³ Похитители солнца—змѣи и ближайшимъ образомъ сходныя съ ними существа: значитъ дьяволъ = Дуклянъ = змѣи. Въ Черной Горѣ и въ окрестностяхъ рассказываютъ, «да е Царъ Дуклянъ у виру, подъ Везировіемъ мостомъ, свезанъ у синджиръ, кой еднако глоде, и у очи Божити таманъ да га преглоде и свіеть да ужди (спалить), а циганинъ (кузнецъ по преимуществу) сваки по единомъ удари малемъ (молотомъ) у накованъ те притврди».²⁴ Съ этимъ ср. слѣд.: «Mnohý kovař, zvlášť který mnoho cestoval a mnoho zvěděl, uhodí před svatvečerem v sobotu, když práci dokonál, ještě třikráte kladivem naprázdno na kovadlinu, a tím, prý, je pekelný duch opět na celý tejden ukován. Sice by železa, jimiž je v pekle spiat, a jimiž po celý týden comioval, přetřhal a celý svět z kořenů vyvrátil.»²⁵ Очевидно, Царь Дуклянъ есть одно лицо съ чортомъ. Повѣрье это, какъ и всѣ подобныя остатки глубокой древности, очень распространено: оно встрѣчается у Германцевъ, Армянъ, Персіанъ, Албанцевъ. Армянское сходно съ Сербскимъ относительно времени, когда скованный врагъ перегрызаетъ цѣпи, Рождество есть періодически повторяющееся обновленіе міра; время, непосредственно предшествующее Рождеству, есть время наибольшаго могущества враждебныхъ силъ. Сравненіе Сербскаго и Чешскаго повѣрьевъ Германскими, приводимыми Мангартомъ съ²⁶ не оставляетъ сомнѣнія въ тождествѣ Дукляна-чорта со змѣемъ и Германскимъ Локи. Лока, находящійся въ кровномъ родствѣ съ волками и великимъ змѣемъ, съ тѣми враждебными существами, которыя, освободившись отъ сдерживающихъ ихъ силъ, произведутъ конецъ свѣта и царства боговъ, Лока самъ первоначально тождественъ съ тѣми суще-

²³ Карадж. Пѣсм. II, 81.

²⁴ Карадж. Рѣчн. Дуклянъ.

²⁵ Houška II, 538.

²⁶ Mannh., Myth. 84 и слѣд.

ствами и съ первообразомъ ихъ, змѣемъ. За многія преступленія онъ связанъ Торомъ, но въ концѣ міра разорветъ свои цѣпи. Замѣчательно, впрочемъ, что Дуклянъ, какъ можно догадываться, въ концѣ міра спалитъ свѣтъ, тогда какъ, по Скандинавскимъ повѣрьямъ, всеобщій пожаръ въ день гибели боговъ произойдетъ не отъ Локи, а отъ другаго великана, Суртра, изъ огненной страны (Muspellheimr). Быгъ можетъ, здѣсь указаніе на родство Локи съ его союзникомъ и врагомъ боговъ, Суртромъ.

Кромѣ приведенныхъ Славянскимъ указаній на вражду солнца и змѣя, намъ ничего не извѣстно. Но есть значительное число сказокъ о враждѣ змѣя и богатыря, который оказывается, по нѣкоторымъ примѣтамъ, громовымъ божествомъ. Переходимъ къ этѣмъ сказкамъ.

А. Nowosielski, *Lud Ukrain.* I, 305. Б. Карадж. Прип. 146, Три егуле. В. Grimm, *Märch.* I, № 85. Г. Nowosiel. тамъ же, 254, о Сучичѣ. Д. Аѳан. Сказка V, 241, Иванъ Сученко и Бѣлый Полянинъ. Е. Худ. II, 39, Иванъ Кобылинъ сынъ. Ж. тамъ же 43, Иванъ Коткинъ, Иванъ Дѣвкинъ, Иванъ Царицынъ. З. Эрленвейнъ, 92, Буръ Храберъ. И. Аѳан. VII, 24, Иванъ Быковичъ. К. Кулиш. Зап. о Южн. Росс. II, 59, Иванъ Голинъ. К. Аѳан. Сказ. III, 2; V, 118, Покотигорошекъ. Л. Худ. III, 1, Иванъ Вечерней Зори. М. Valjav. 116, Palček. Н. Škult. a Dobš. I, 87, Lomidrevo. О. Аѳан. VII, 93, Зорька, Вечорка, Полуночка. П. Škult. a Dobš, Vint'alko. Р. Аѳан, II, 100, Пояловъ. С. Škult. a Dobš. 514, Kralčík, Kucharčík a Popelčík.

Рожденіе богатыря. А. Одной дѣвкѣ наймичкѣ захотѣлось пить, а воды не случилось. Вотъ она видитъ два слѣда полные воды (быть можетъ, объясненіе не раскшадика, а издателя). Съ той поры, у кого она ни жила, всѣмъ валило счастье и богатство. Родила она двоихъ близнецовъ, которые росли не по днямъ, а по часамъ, за семь лѣтъ выросли большіе и поѣхали въ свѣтъ. На пути встрѣтился имъ полкъ зайцевъ, полкъ лисицъ, полкъ волковъ, медвѣдей, львовъ. Каждый полкъ далъ каждому изъ нихъ по одному слугѣ. Санскритск. паāлі гарбһаһ, плодъ (небесныхъ) водъ, апām путраһ, апām напām, сынъ водъ — эпитеты близнецовъ Индры (=Тора, Перуна) и Агни, огня, рожденныхъ отъ тучи. Рож-

деніе нашихъ богатырей можно понимать такъ, что ихъ мать, туча, сначала представляется жидкою, безводною, яловою, потомъ, вливши въ себя воду, густѣетъ и рождаетъ молнію. При этомъ врядъ ли питье имѣетъ очень обыкновенное въ Славянской поэзіи значеніе любви, врядъ ли вода есть здѣсь мужское оплодотворяющее начало: она сама есть мать. По Серб. вар. Б. богатыри рождаются не прямо отъ воды, а отъ рыбы. Одинъ рыбакъ за три дня поймалъ только три угря. Въ сердцахъ онъ сталъ ругаться. Тогда одинъ угорь сказалъ ему: «Ты не знаешь своего счастья! Разрѣжь одного изъ насъ на четверо: одну часть дай женѣ съѣсть, другую сукѣ, третью кобылѣ, четвертую посади въ землю за избою: тогда жена родитъ тебѣ двоихъ сыновей, сука два пса, кобыла два коня, а за избой выраститъ двѣ золотыя сабли. Такъ и сбылось. Братья выросли, взяли по коню, псу, саблѣ и одинъ отправился искать счастья, другой остался пока дома. Въ вар. В. рыбакъ, по слову золотой рыбки, разрѣзаетъ ее на 6 частей: двѣ даетъ женѣ, двѣ кобылѣ и двѣ закапываетъ въ садъ. Жена рождаетъ ему золотыхъ близнецовъ, кобыла пару золотыхъ жеребятъ, въ саду вырастаютъ двѣ золотыя лиліи. Съ этими лиліями связано существованіе самихъ богатырей. Отправляясь въ путь, они говорятъ отцу: «Пока золотыя лиліи свѣжи, мы живы-здоровы, а какъ завянутъ и засохнутъ, мы больны, или мертвы.» Сомнительно, чтобъ таково было первоначальное назначеніе лилій. Обыкновенно богатыри даютъ о себѣ знать другимъ предметами. Такъ въ вар. Б. одинъ братъ оставляетъ другому боченокъ воды: если вода замутится, значить тотъ, что въ дорогѣ, погибъ. Собственное значеніе лилій въ В. видно изъ слѣд.: въ Сербской сказкѣ, вмѣсто нихъ, вырастаютъ сабли, т. е., вмѣстѣ съ Индрою и Агни рождается и ихъ оружіе; оружіе же громоваго божества, которымъ онъ разрѣкаетъ облако, представляется и цвѣткомъ. Такъ въ Нѣмецкой сказкѣ цвѣтокъ, именно красный, однимъ прикосновеніемъ раскрывающій гору или скалу, въ которой хранится кладъ, есть громовая стрѣла, раздѣляющая облако, въ которомъ скрыты сокровища солнечнаго свѣта.²⁷ Кунъ доказалъ, что тождественныя, по первоначальному зна-

²⁷ Mannh., Germ. Myth. 153, 470. Тамъ же свѣча превращается въ цвѣтокъ; но горящая свѣча извѣстна и у насъ, какъ символъ громовой стрѣлы. Mannh.

ченію, разрывъ трава и папороть—воплощенія небеснаго огня.²⁸ Изъ свойствъ папоротнаго цвѣту наиболѣе извѣстно то, что онъ указываетъ клады или, по выраженію Чешскаго повѣрья,²⁹ даетъ возможность видѣть, какъ они цвѣтутъ синимъ пламенемъ; но это не единственное его свойство. Кунъ полагаетъ, что всѣ растенія, въ коихъ воплотилась громовая стрѣла, должны имѣть и смертную силу этой послѣдней. Подтверженіемъ этого служить слѣдующее: (чортъ говоритъ) «Я напустилъ семьдесятъ чертенятъ на одну Царскую дсчъ; они сушатъ ей груди всякую ночь (стало быть, какъ увидимъ ниже, это змѣи). А вылечить ее тотъ, кто сорветъ жаръ-цвѣтъ». Это такой цвѣтъ, который, когда цвѣтетъ, море колыхается и ночь бываетъ яснѣе дня; черти его боятся.³⁰ Но черти здѣсь — змѣи, которые боятся именно громовой стрѣлы; стало быть, жаръ-цвѣтъ есть представленіе оружія Индры. И такъ замѣна въ вар. В. золотыхъ сабель золотыми лиліями доказываетъ, что богатыри, рожденные отъ рыбы, соотвѣтствуютъ Индрѣ и Агни.

Г. Д. У Царя нѣтъ дѣтей. По совѣту нищаго, онъ приказываетъ дѣвкамъ-семилѣткамъ за одну ночь напрядь, а мальчикамъ сплести шелковой неводъ. Тѣмъ неводомъ поймали золотопераго леща. Поварка бросила кишки этого леща собакѣ, помои дала выпить тремъ кобыламъ, сама оглодала косточки, а рыбу Царица съѣла. Отъ того Царица родила Ивана Царевича, поварка Ивана поваренка, сука Ивана сученка, а кобылы ожеребились тремя жеребятами. Въ Г. о роженіи коней не говорится. Выросли богатыри, пытаются силы, кому быть старшимъ. Сученкова стрѣла падаетъ дальше всѣхъ, и онъ становится старшимъ.

Zeitschr. f. Deutsch. Myth. III; Kuhn, Die weiser Frauen. 384 п слѣд. Въ Нѣмецкой сказкѣ зачатая бѣлая женщина представляется ключницей, при чемъ ключъ значить то же, что цвѣтокъ и свѣча. Нельзя не сравнить съ этимъ смерти-зимы-ключницы, которая передаетъ ключи Святому Петру.

²⁸ Kuhn, Die Hera . des Feuers 213, 218 п 224.

²⁹ Носѣка, II, 346

³⁰ Аван. Сказки V, 53—56; ср. Худяк. I, 6. Богатырь рубить змѣю головы тремя пучками жимолостовыхъ палочекъ. Ср. также Карадж. Припов. 62.

Въ вар. И. отъ золотопераго ерша Царица родила Ивана Царевича, кухарка Ивана, кухаркина сына, а корова Ивана Быковича. Послѣдній старшимъ братомъ, какъ выше. Ж. отъ того же кошка рождаетъ Ивана Кошкина, дѣвка Ивана Дѣвкина, Царица Ивана Царицына. Кошкинъ старшимъ, какъ выше. З. Отъ кобылицы Салтыницы (т. е., Салтаницы) Буръ Храберъ, отъ Царицы и дѣвки Иванъ и Димитрій Царевичи. Какъ выше старшимъ выбирали того, кто стрѣлу дальше пустить, такъ здѣсь того, чья свѣча сама собою зажжется.³¹ Старшимъ сталъ Буръ Храберъ. Е. Старикъ откупилъ отъ смерти негодную кобылу. Кобыла встрепенулась, сталъ у ней хвостъ жемчужный, грива золотая. Отъ нея родился богатырь Иванъ, Кобылинъ сынъ. Только что родившись, идетъ онъ въ свѣтъ, и находитъ себѣ товарищей, Горыню и Дубыню.

Иначе въ вар. К. Змѣй похищаетъ у мужика дочь и убиваетъ двоихъ сыновей, которые хотѣли было выручить сестру. Послѣ того мать несла воду на гору. Катится горошина, да и вскочила въ воду. Мать съѣла горошину, забеременѣла, выносила дольше срока и родила богатыря Котигорошка или Покотигорошка, который освобождаетъ сестру и оживляетъ братьевъ. Товарищи его — Вернигора и Вернидубъ. Вар. М. говоритъ только, что богатырь Пальчекъ рождается послѣ того, какъ похищена змѣею сестра. Въ Н. мать на 90 мѣ году родила Ломидрево, кормила его своею грудью до 17-ти лѣтъ. Товарищи его — Баливерхъ и Мѣсигелѣзо.³²

Богатырямъ Сучичу, Кошкину, Кобылину, Быковичу, Котигорошку и проч. приписываются или тѣ же и подобнозначашіе подвиги. Ясно, что они — одно лицо, и что различные разеказы объ ихъ происхожденіи относятся другъ ко другу, какъ разныя представленія одной и той же вещи, какъ въ языкѣ синонимы.

³¹ Подобнымъ образомъ въ сказкѣ Аѳан. V, 233 выбираютъ на царство. Возможно, что и стрѣла и свѣча тоже и здѣсь символы громовой стрѣлы.

³² Сюда же, вѣроятно слѣдуетъ отнести рожденіе богатыря отъ попену сгорѣвшей человѣческой головы. Аѳан. III, 33, Надзей, пановъ унукъ. Ср. Карадж. Рѣчн. Цариградъ.

Мы видѣли, что богатыри въ вар. А, Б, В. соотвѣтствуютъ Индрѣ и Агни; въ другихъ вар. нѣтъ рѣчи о близнецахъ, или рождается одинъ богатырь, и по томъ уже подбираетъ себѣ товарищей, или одинъ, настоящій богатырь выдѣляется сказкою изъ троихъ: этотъ одинъ, по всѣмъ соображеніямъ, есть громовое божество. Беременность отъ съѣденнаго куска рыбы ³³ есть, быть можетъ, указаніе на то, что рыба есть истинная мать богатыря. Въ вар. I. Иванъ Голикъ, брошенный въ море и поглощенный большою рыбою, добывается изъ нея на свѣтъ, и это-то, быть можетъ, есть его настоящее рожденіе. Изъ сказаннаго выше о щукѣ вѣроятно, что она есть одинъ изъ образовъ Яги-тучи.

Какъ Сараніѣ туча, мать Индры, такъ и Яга представлялась кобылою. Отсюда Иванъ Кобылинъ и Буръ Храберъ — тотъ же Индра, сынъ небесныхъ водъ, апам напât. Кстати замѣтить мифическую черту въ историческомъ Сербскомъ богатырѣ, Милошѣ Обиличѣ. Мать еще кормила его грудью, когда онъ уже пастъ овецъ и имѣлъ уже такую силу, что отъ его дыханія во время сна то пригибались къ землѣ, то подымались вѣтви дерева. ³⁴ Его прозывали Кобыличемъ. Сестра Леки-Капитана, упрекая брата за то, что онъ ей предлагаетъ въ мужья Обилича, говоритъ:

Еси лъ чуо, дѣ причаю люди,
Дѣ й Милоша кобила родила,
А некака сура бедевіа,
Бедевіа, што ждріеби ждрае,
Нашли су га ютру у ердели,
Кобила га сисомъ одоила,
Съ тога снажанъ, съ тога високо есте.

Представленіе тучи коровою и рожденнаго отъ тучи Индры быкомъ ручается за то, что и нашъ Быковичъ есть громовое божество. О кошкѣ, какъ образѣ Яги-тучи, говорено выше. Кошкинъ—тотъ же Кобыличъ. Происхожденіе громоваго божества отъ суки можетъ быть объяснено связью его съ вѣтромъ. Сука

³³ Ср. Карадж. Пѣсм II, 61.

³⁴ Карадж. Рѣчн. Обиличъ.

Сарамâ (быстрая), охотничья собака Индры, есть собств. вѣтеръ, равно какъ и сынъ ея Сâрамîја, который въ молитвенныхъ пѣсняхъ призывается вмѣстѣ съ Вâју, богомъ вѣтра. Самъ Индра, какъ Богъ вѣтра, а также и его спутникъ Вâју, носятъ эпитетъ Сунас, песъ.³⁵ Наша сказка предполагаетъ, что и туча, какъ быстрая, гонимая вѣтромъ, представлялась сукою. Котиго-рошекъ своимъ именемъ указываетъ на Перуна, такъ какъ горохъ, по крайней мѣрѣ у Германцевъ, былъ посвященъ Тору-Донару. Изъ многихъ указаній на это³⁶ замѣтимъ связь гороха съ четверкомъ. И у Чеховъ есть повѣрье, что для урожая слѣдуетъ сѣять горохъ въ Зеленый Четверкъ.³⁷ Основаніе связи гороха съ громомъ въ томъ, что горохъ своимъ видомъ напоминаетъ оружіе Тора, которое представлялось и шаромъ. Рожденный отъ горошины долженъ быть сынъ громоваго божества, что не невозможно, такъ какъ древнее божество, предшествовавшее Индрѣ, Перуну, Тору, могло совмѣщать ихъ свойства со свойствами солнечнаго божества.

Пораженіе змѣя и освобожденіе дѣвицъ. Начнемъ со сказокъ, въ которыхъ нѣтъ приведенныхъ выше извѣстій о рожденіи богатыря, но въ коихъ этотъ богатырь, меньшей изъ трехъ Царевичей, несомнѣнно тождественъ съ Сучичемъ, Котиго-рошкомъ и др.

Вар. Т. Аѳан. I, 100, VII, Три царства: мѣдное, серебряное и золотое; ср. Худяк. Вр. Ск. III, 6. У. Аѳ. I, 28, Норка звѣрь. Ф. Эрлен. Ск. 163. X. Худяк. Вр. Ск. I, 7. Ц. Каралж. Прип. 8, Чардакъ ни на небу, ни на земли.

Ц. Змѣй уноситъ Царевну въ облака. Братья идутъ искать сестры и находятъ «чардакъ, кои ни ти е на небу, ни на земли», но, какъ видно изъ того, что змѣй есть облачное существо, «на грану одъ облака». Меньшой братъ по ремню изъ кожи убитаго коня взбирается на верхъ, старшіе остаются внизу.

Т. Три Царевича, отыскивая унесенную вихремъ, или черноморскимъ змѣемъ, мать, приходятъ къ неприступной горѣ. Млад-

³⁵ Mannh., Germ. Myth. 218.

³⁶ Тамъ же 49, 133.

³⁷ Ноуцка, II, 348.

шій Царевичъ находитъ желѣзные когти на руки и на ноги и, при помощи ихъ, взлѣзаетъ на гору. Эта гора то же, что въ другихъ сказкахъ стеклянная гора, то есть, одно изъ представленій неба. По Литов. и Слав. повѣрьямъ, люди по смерти должны карабкаться на нее, при помощи рысѣхъ, или медвѣжьихъ, когтей, или своихъ собственныхъ ногтей, которые для этого и собираются въ теченіи жизни. Этотъ рай находится нѣкоторое время во власти темной силы, змѣя.

У. Норка звѣрь каждую ночь поѣдаетъ звѣрей въ Царскомъ звѣринцѣ, или, Ф., бѣлый волкъ каждую ночь угоняетъ у Царя по косяку лошадей. Младшій Царевичъ гонится за нимъ и, при помощи братьевъ, опускается за нимъ подъ землю, на тотъ свѣтъ. Звѣрь и волкъ, конечно, одно лицо со змѣемъ, похищеніе табуновъ—другая форма похищенія женщинъ. Индра Вритра есть тоже грабитель коровъ. Подземный свѣтъ есть другое представленіе неба.

Ц. Въ змѣевыхъ палатахъ Царевичъ находитъ сестру. Змѣй спитъ, положивши ей голову на колѣна, а она ему ищетъ въ головѣ. Царевичъ дважды бьетъ змѣя палицею по головѣ, но онъ только почесывается. Тогда Царевичъ бьетъ въ третій разъ въ животъ, и убиваетъ. Тамъ же Царевичъ находитъ трехъ чудесныхъ коней и трехъ дѣвицъ: одна золотомъ шьетъ, другая прядетъ золото, третья нижеетъ жемчугъ, а у ногъ ея золотая квочка съ цыплятами клюетъ жемчугъ изъ золотой миски. Этѣ дѣвицы, какъ и сестра Царевича, соотвѣтствуютъ Инд. апас, водамъ, водянымъ женамъ, заключеннымъ змѣемъ Вритрою. Золото служить указаніемъ на то, что онѣ свѣтлыя божества. Въ вар. У. три дѣвицы, одна въ мѣдномъ, другая въ серебряномъ, третья въ золотомъ дворцѣ—сестры Норки звѣря, въ Ф.—дочери бѣлаго волка. Такая замѣна супружескихъ отношеній родственными можетъ происходить отъ того, что какъ змѣй, такъ и дѣвицы—облачныя, водяныя, существа. Одна изъ дѣвицъ даетъ богатырю мечъ-кладенецъ и сильной воды напиться (У). Последней чертѣ соотвѣтствуетъ въ Инд. мифъ то, что Индра передъ боемъ пьетъ Сому, небесный напитокъ, т. е., скрывую змѣемъ дождевую воду. Богатырь находитъ и убиваетъ Норку звѣря, или волка, спящимъ (У, Ф). Такъ и Индра, по одному представленію, поражаетъ соннаго

змѣя, тогда какъ по другому, которому соотвѣтствуютъ ниже приводимыя сказки, онъ сражается съ нимъ равнымъ оружіемъ. Въ 4-хъ варіантахъ повторяется та черта, что голову змѣю, или звѣрю, нужно рубить съ разу, а то отъ второго удара онъ оживетъ. Съ этимъ сближаемъ Чешск. повѣрье, что два громовые удара одинъ послѣ другого имѣютъ противоположныя свойства: одинъ огневой и зажигательной, другой ледовой и гасящій; что первый зажжетъ, то другой потушитъ.³⁸ Такимъ образомъ не змѣй, или звѣрь, имѣетъ свойство оживать отъ второго удара, а оружію богатыря (грома) свойственно оживлять вторымъ ударомъ.

Освобожденныя дѣвицы свертываютъ свои дворцы или царства въ яичко мѣдное, серебряное и золотое и отдаютъ богатырю. Старшіе братья вытягиваютъ дѣвицъ на этотъ свѣтъ, но изъ зависти оставляютъ брата на томъ. Богатыря выносятъ на свѣтъ птица, или слуги одного изъ 3-хъ царствъ, и онъ нанимается работникомъ въ царствѣ своего отца къ сапожнику, портному, или золотарю. Между тѣмъ освобожденныя имъ дѣвицы не хотятъ выходить за старшихъ братьевъ, своихъ мнимыхъ спасителей, безъ башмаковъ, подвѣчныхъ платьевъ, или колецъ, какіе онѣ носили въ своихъ царствахъ. Богатырь даетъ знать о себѣ, посылая этѣ вещи черезъ своего хозяина. Въ день свадьбы онъ вмѣшивается въ толпу нищихъ, младшая Царевна узнаетъ по кольцу своего суженаго, онъ открывается отцу ихъ (Т, Ф). Смыслъ всего этого такъ теменъ, что возможны только болѣе менѣе шаткія догадки. Одна черта очень древняя. Индра, убивши змѣя, скрывается. 32-ой гимнъ Ригведы объясняетъ это страхомъ: «Кого увидѣлъ ты, Индра (чье приближеніе къ Али замѣтилъ ты), когда, послѣ битвы, страхъ овладѣлъ твоимъ сердцемъ, когда, какъ робкій соколъ, ты улетѣлъ по воздуху за 99 рѣкъ?»³⁹ О послѣдствіяхъ этого бѣгства одинъ изъ эпизодовъ Магабхараты рассказываетъ слѣдующее. Послѣ бѣгства Индры, Царя боговъ, боги, чтобъ устранить бѣдствія безначалія, выбрали Царемъ благочестиваго подвижника, Нагушу. Этотъ возгордился и потребовалъ въ замужество жену Индры, Сачи. Сачи старается замедлить бракъ, а

³⁸ Houska, III, 182, 332.

³⁹ Benfey, Orient u. Occid. I г. 1, 48.

между тѣмъ уговариваетъ другихъ боговъ отыскать ея прежняго мужа. Индра возвращается, убиваетъ соперника и снова становится Царемъ.⁴⁰ Этому Нагушѣ, желающему въ отсутствіе Индры вступить во всѣ его права, соотвѣтствуютъ въ нашихъ сказкахъ то завистливые братья, присвоивающіе себѣ дѣла меньшаго и берущіе въ жены освобожденныхъ имъ Царевенъ, то, кромѣ ихъ, еще и выставленный ими самозванецъ. Въ вар. И. старшіе братья, перерѣзавши ремень, чтобы меньшому нельзя было спуститься на землю, находятъ въ полѣ пастуха, переодѣваютъ его въ братнее платье и выдаютъ отцу за своего меньшаго брата. Старшіе братья хотятъ жениться на старшихъ дѣвицахъ, а пастухъ на меньшей, суженой оставленнаго на небѣ Царевича. Узнавши это, Царевичъ налетаетъ на конѣ, бьетъ булавою братьевъ слегка, а чабана съ розмаху. Потомъ открывается отцу и женится на младшей дѣвицѣ. Въ сказкахъ, гдѣ богатырь освобождаетъ отъ змѣя только одну дѣвицу, есть и одинъ только завистникъ богатыря, самозванецъ. Отсюда можно заключить, что гдѣ три брата, изъ коихъ меньшей побѣдитель змѣя, тамъ одинъ изъ старшихъ — позднѣйшая прибавка.

Вар. Д, Е, К, Л, М, Н въ общихъ чертахъ сходны съ приведенными, но отличаются нѣкоторыми подробностями. Змѣи угощаютъ двухъ старшихъ братьевъ, похищенныхъ ими дѣвицъ, желѣзнымъ бобомъ и желѣзнымъ хлѣбомъ. Они отказываются, змѣи ихъ убиваютъ. Потомъ является Покотигорошекъ. Его потчуютъ тѣмъ же. Онъ поѣдаетъ и еще проситъ (К, Л, М, Н). Этимъ сказка указываетъ на то, что богатырь по плечу змѣю. Битва происходитъ такимъ образомъ: Змѣй дунулъ, — сдѣлалъ мѣдный токъ. Покотигорошекъ дунулъ — сдѣлалъ серебряный токъ. Схватились они бороться. Змѣй вбилъ Покотигорошка въ серебряный токъ, а Покотигорошекъ змѣя по колѣни въ мѣдный. Въ другой разъ змѣй вбилъ по колѣни, а Покотигорошекъ змѣя по поясъ. Въ 3-й разъ змѣй вбилъ по поясъ, а Покотигорошекъ, выскочивши, вбилъ змѣя по шею, потомъ булавою совсѣмъ замазалъ въ мѣдный токъ (К, Ф, Д, М, Н и др.). Этотъ металлическій токъ встрѣчаемъ въ нѣсколькихъ другихъ

⁴⁰ Mannh., Germ. Myth. 214.

ск., между прочимъ Šk. a Dobš. 499, Hrdá panička: Янко съ шапкою, отъ которой волосы на головѣ серебрятся, съ софлякою, которая заставляетъ плясать всякаго (игра на свирѣли — свистъ вѣтра) и сѣкиркою, которая сама рубить (оружіе громоваго бога), нанимается пасти овцы (овцы, коровы — облака, пастухъ ихъ (быкъ, баранъ) — громовой богъ). Овцы ведутъ его на мѣдное поле, принадлежащее 6-тиголовому змѣю. Прилетаетъ змѣй. Янко сначала заставляетъ его плясать, потомъ убиваетъ, добываетъ мѣдный дворецъ въ яблокѣ, беретъ оттуда мѣдную квитку (рего, букетъ). Барышня выманиваетъ у него эту квитку. То же повторяется потомъ на серебряномъ и золотомъ полѣ.⁴¹ Полемъ въ загадкахъ называется небо: значить и мѣдный и серебряный токи, на которыхъ бьется Покотигорошекъ, не что иное, какъ небо. Передъ прилетомъ змѣя богатырь перестановляетъ въ погребѣ бочки съ безсильною водою съ лѣва на право, а бочки съ сильною на оборотъ. Во время битвы змѣй, не знавши, пьетъ безсилье, а богатырь силу (Е, Л), т. е., Сому. Выбившись изъ силъ, Иванъ Кобылинъ говоритъ змѣю: «Оглянись, твое царство горить!» Змѣй оглядывается, а Кобылинъ, пользуясь этѣмъ, сбиваетъ съ него всѣ 12-головъ (Е). Вспомнимъ подобную хитрость въ сказкѣ о середѣ. Пожаръ змѣева царства, это туча, объятая небеснымъ огнемъ. Сученко, вышедши изъ подземнаго царства, нанимается къ золотарю, дѣлать Царевнамъ кольца и требуетъ за то мѣшокъ орѣховъ. Можетъ быть и это намекъ на его природу. Орѣхъ имѣетъ связь съ громомъ, вѣроятно, по сходству съ громовою стрѣлою. Такъ по Малорусскому повѣрью, когда 24 Іюня гроза, орѣхи будутъ пусты и будетъ ихъ мало, а если погода хороша, на нихъ будетъ урожай;⁴² по Сербскому когда гремитъ на Ильинъ день, то червивѣютъ, портятся и опадаютъ орѣхи простые и Волошскіе.⁴³

Со сказкою о трехъ царствахъ въ большинствѣ чертъ сходна ск. Аѳан. II, 66, въ которой змѣй замѣненъ Кощеємъ безсмерт-

⁴¹ Ср. Mannh. 173. Конецъ нашей сказки сложенъ. Букеты, кажется, громовая стрѣла, хотя изъ сказки этого не видно.

⁴² Маркевичъ, Обыч., повѣрья и пр. 14.

⁴³ Карадж. Рѣчн. грмѣти.

нымъ. Мать богатыря, похищенная Кошеемъ, выпрашиваетъ у Кошея, гдѣ его смерть. «На морѣ на окіянѣ, на островѣ на буянѣ, “ стоитъ дубъ, подъ дубомъ ящикъ, въ ящикѣ заяцъ, въ зайцѣ утка, въ уткѣ яйцо, въ яйцѣ Кошеева смерть». Царевичъ ѣдетъ за этою смертію, на пути щадитъ волчицу, ворону, щуку, которыя за то помогаютъ ему добыть яйцо. Воротившись, онъ раздавилъ яйцо, и Кошей умеръ. Въ Слов. ск. II (Škult. a Dobš. 329) Кошею соотвѣтствуетъ карликъ «Grošokral» или «Čierny travec», величиною съ муравья. Какъ и у змѣя Вритры есть мать, которую тоже убиваетъ Индра, такъ и у него. Мать Грошокрала одно лицо со змѣихой нижеприводимыхъ сказокъ объ освобожденіи солнца. Каждый полдень она раздвѣваетъ пасть отъ земли до неба, и пастухъ загоняетъ ей туда стада скота, гусей, утокъ. Грошокраль сильнѣе всѣхъ на свѣтѣ. Ему стоитъ махнуть плеткой, и все падаетъ мертвымъ. Онъ щадитъ богатыря, убившаго его мать, съ тѣмъ, чтобъ онъ досталъ ему Царевну изъ за моря. Винталько увозитъ Царевну, которая потомъ узнаетъ, гдѣ Грошокралева сила. «Тамъ и тамъ есть колодязь, кругомъ обложенный драгоценными камнями. Каждый полдень выходитъ изъ него олень съ чашею вина и ручникомъ. Кто выпьетъ чашу и утрется одною стороною ручника, тотъ владѣетъ половиною свѣта, а кто другою, тотъ всѣмъ свѣтомъ.» Винталько выпиваетъ вино (= сильную воду), утирается ручникомъ и убиваетъ карла. Въ Слов. ск. о Попельварѣ (= Попяловѣ, Němcov., Slov. Poh. 345) Кошей замѣняетъ желѣзный мнихъ, котораго никто не переможетъ и который знаетъ, что кто думаетъ. Его замокъ вертится на курячей ногѣ. Царевна узнаетъ, гдѣ его сила: «На море каждая семь лѣтъ прилетаетъ золотая утка, а въ ней золотое яйцо. Кто съѣстъ это яйцо, тотъ получитъ мнихову силу и будетъ все знатъ!» Попельваръ добываетъ и съѣдаетъ яйцо, и оборачиваетъ мниха кабаномъ. Въ вар. этой ск. (Тамъ же) мѣсто мниха замѣняетъ великанъ, коего сила въ вербѣ, что растетъ середь озера. Изъ всего видно, что змѣй, кошей, желѣзный мнихъ, карликъ, великанъ—формы одного и того же существа. Что однѣ сказки говорятъ о Кошеевой смерти или силѣ въ яйцѣ, то другія (Němc., Slov. Poh. 382

и слѣд.; Skult. a Dobš. 322; Аван ск. I, 128—30) о змѣѣ и великанѣ. Въ Слов. сказкахъ этимъ яйцомъ нужно ударить змѣя въ лобъ: тогда онъ пропадетъ. Эта черта совершенно согласна съ извѣстіями, изъ которыхъ ясно, что яйцо, особенно красное, есть громовая стрѣла и имѣетъ одинаковую силу съ растеніями, въ коихъ воплотилась эта стрѣла: Во время пожара (т. е., какъ видно изъ Чешск., пожара отъ громового удара, а потомъ уже вообще) бросаютъ противъ вѣтра красныя яйца, называемыя Христовскими, которыя берегутъ отъ Пасхи до Пасхи на случай пожара. Отъ того перемѣняется направленіе вѣтра и слабѣетъ его сила. Такое же дѣйствіе имѣетъ верба, освященная въ Вербное Воскресенье, если ее бросаютъ въ огонь, или противъ вѣтра.⁴⁵ Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Чехъ, для предохраненія отъ громового удара и другого несчастья, бросаютъ черезъ избу яйцо, снесенное въ Зеленый Четверкъ (Donnerstag. Dies Jovis) и освященное на свѣтлый праздникъ, и закапываютъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ оно упало.⁴⁶ Другое вѣрное средство отъ громового удара—держать на стрѣхѣ растеніе netřesk (Hauswurz, Dachwurz, Donnerkraut, Donnergrün) и громовые корни (hromové kořeni, hromek — спаржа?⁴⁷ или держать въ домѣ громовую стрѣлку (zhavý káminek asi tak velký, jako Vlašský ořech.⁴⁸ Все это по правилу «similia similibus curantur», очень распространенному и въ народной медицинѣ. Замѣчательно (и согласно со сказаннымъ выше), что богатырь (= Индра) и его врагъ — змѣѣ, бьются равнымъ оружіемъ, то, что громовой пожаръ можетъ происходить не только отъ грома, но и отъ чорта (= змѣя), котораго онъ преслѣдуетъ, и что предохранительныя средства въ обоихъ случаяхъ сходны. Если между обыкновенными куриными яйцами найдется маленькое, похожее на голубиное, то его слѣдуетъ перекинуть черезъ строеніе, а не то, злой духъ, отъ котораго происходитъ это яйцо, зажжетъ строеніе.⁴⁹ Понятно, по чему въ этомъ

⁴⁵ Осокина Записки о Малмыж. Уѣздѣ. Современ. 1836, Ноябрь.

⁴⁶ Houška II, 348.

⁴⁷ Тамъ же 347.

⁴⁸ Тамъ же III, 182.

⁴⁹ Houška III, 179.

яйцѣ—змѣева смерть. Подобнымъ образомъ и любовь Царевны—лягушки къ Ивану Царевичу въ яйцѣ, яйцо въ уткѣ, утка въ камнѣ на островѣ Буянѣ. Царевна-лягушка—дочь Яги, одна изъ водяныхъ женъ, и тождественна съ дѣвицами, которыхъ богатырь (Перунъ) освобождаетъ отъ змѣя (Аван. ск. VII, 173). Ея любовь къ освободителю зависитъ отъ того, что яйцо (громовая стрѣла) въ его власти. Причина, по чему это яйцо такъ далеко запрятано, на пр., подъ дубомъ, въ землѣ и пр., или въ уткѣ, которая прилетаетъ на озеро только каждыя семь лѣтъ, можетъ заключаться въ повѣрьи, что громовая стрѣла, убивши дьявола, уходитъ въ землю и выходитъ наружу только черезъ три,⁵⁰ или семь лѣтъ,⁵¹ въ видѣ каменнаго орѣха, или каменной палочки (чертова пальца). Семь лѣтъ пребыванія стрѣлы, или клада, или семь лѣтъ заточенія заклѣтой Царевны, принимаютъ за семь зимнихъ мѣсяцевъ, въ которые не слышно грома.

Кощей отождествляется со змѣемъ въ бочкѣ: Иванъ Богатырь приходитъ въ комнату за 12-ю дверьми, за 12-ю цѣпями, въ которую Анастасія не велѣла ему ходить, и видитъ Кощей Безсмертный въ огнѣ, въ котлѣ въ смолѣ кипитъ,⁵² или видитъ, что Кощей Безсмертный на конѣ сидитъ, конь къ котлу прикованъ.⁵³ Безъ сомнѣнія, были отождествленія змѣя и бочки. Представленія сосуда и брюха сродны: ср. тулъ и туловище, Поль. *tułub*, Поль. *kadłub* (=предполаг. ка-длѣ-бъ, нѣчто выдолбленное), туловище, Санскрит. кабандха, бочка, туча, туловище, Санскрит. *kôṣa*, коша, сосудъ, туча, утроба. Отсюда рядомъ съ представленіемъ змѣя сосудомъ — представленіе его туловищемъ. Въ сказкѣ про Сучича (А) старый змѣй, отецъ змѣевъ побитыхъ Сучичемъ, оборачивается человѣкомъ безъ рукъ, безъ ногъ (одно туловище) По Индійской сказкѣ Дѣну, по прозванію Кабандха, одинъ изъ демоновъ, враждебныхъ богамъ (Дѣнава, Ракшаса), сначала былъ надѣленъ несравненною красою. Индра, за гордость,

⁵⁰ Абевера 162.

⁵¹ Новака III, 322, Карадж. Рѣчи. грмѣти; *Goleb. Lud Polski* 131.

⁵² Худяк. Ск. II, 87.

⁵³ Эрленв. Сказк. 130.

сдѣлалъ изъ него чудовище: вдавиль голову и ляжки въ туловище, вытянулъ руки до огромной длины, въ туловищѣ сдѣлалъ пасть.⁵⁴ Все это даетъ нѣкоторое право, миновавши Старо-Слав. кощь, сухой, худой тѣломъ, сблизить Слав. Кощей съ Санскрит. кукши (м.), брюхо, утроба, пещера (въ соединеніи съ адри, гора). Со стороны звуковъ, кажется, нѣтъ препятствія: у=о (Санскрит. куккуша = Сербск. кокошъ), кш=ск., щ (Санскрит. кшам, терпѣть и о-скома, когда зубы терпнутъ, щемѣтъ—болѣть извѣстнымъ образомъ). Независимо отъ вѣрности этого сближенія, можетъ быть вѣрно другое: Слав. Кощей, кромѣ того значенія, какое оно имѣетъ въ сказкахъ, встрѣчается еще въ Словѣ о полку Игоревѣ въ значеніи иноземца-варвара (Половчина), раба: «Стрѣлай, Господине, Кончака, поганого Кощея;» «Игорь Князь высѣде изъ сѣдла злата а въ сѣдло Кощеево;» «аже бы ты былъ (Всеволоде), то была бы чага по ногатѣ, а кощей по рѣзанѣ.» Подобное сочетаніе значеній и въ Санскрит. d'âsa (ср. Чеш. d'as, чортъ, глѣя изъ ѣ, какъ въ дядя при дѣдѣ, а ѣ изъ â), dâsju. Dâsâ или dâ'sa, сущ. м., общее имя демоновъ, побѣждаемыхъ Индрою, рабъ; dâsa, прил., принадлежащій Дасѣ, демонскій (противоположный человѣческому и божьему), варварскій (противоположный Арійскому); сущ., варваръ; dâsju, сущ., одинъ изъ демоновъ, побѣжденныхъ Индрою и Агни, демонъ какъ противоположность человѣка вообще, особенно добраго и благочестиваго, враждебный, злой человѣкъ, врагъ, разбойникъ, человѣкъ чуждый Брагманизму, хотя бы и Арійскаго происхожденія.⁵⁵ Противоположеніе людей, принадлежащихъ Богу и принадлежащихъ демону, видимъ въ Словѣ о полку Игоревѣ Русь «Дажь-Божи въ нуци;» «дѣти бѣсови (Половцы) крикомъ поля прегородиша, а храбріи Русичи преградиша чрълеными щиты.» Въ сл. кощей, какъ полагаемъ, относительно первымъ будетъ значеніе мифическаго существа, потомъ демоническаго человѣка, иноплеменника, военнаго врага, и наконецъ раба-плѣнника.

Замокъ желѣзнаго мниха крутится на курячей ногѣ. Въ Русской сказкѣ о томъ, какъ Иванъ Горохъ (= Покотигорошекъ)

⁵⁴ Bøthling u. Roth, Sanskr. Wörterb. Danu.

⁵⁵ Bøthl. u. Roth., Sanskr. W. dâsa, dasju.

выручаетъ у змѣя свою сестру, Василису, золотую косу, не покрытую косу, у змѣя золотой дворецъ на серебряномъ столбѣ. Дворецъ повертывается при приближеніи змѣя.⁵⁶ Въ Хорватскомъ варіантѣ вышеприведенной сказки (Valjav. 127) богатырь на нимається свинопасомъ, хитростью убиваетъ 3-хъ змѣевъ, которые поѣдали свиней, и послѣ каждой побѣды добываетъ по замку (мѣдному, серебр., золотому), который вертится на сорочьей ногѣ. Замки этѣ соотвѣтствуютъ мѣдному, серебряному и золотому царству (въ вар. Т, Ф), которые прячутся въ ящики. Разница въ томъ, что въ Хорв. въ этѣхъ замкахъ нѣтъ дѣвицъ, а встрѣчаетъ богатыря баба (мать змѣя?). Какъ извѣстно, въ Русскихъ сказкахъ у Бабы-Яги избушка на курьей ножкѣ, стоитъ, повертывается. Сходство змѣева дворца и Ягиной избы основано, вѣроятно, на томъ, что и избы и дворецъ облако. Замѣна сорочьей, или куриной, ноги серебрянымъ столбомъ даетъ нѣкоторое основаніе сблизить эту ногу со стволомъ дерева, которое коренится въ землѣ, развѣтвляясь подобно птичьей ногѣ. Деревомъ представляются раскинутыя по небу вѣтвистыя облака.

По поводу этого сходства змѣя и Яги соберемъ здѣсь другія черты, указывающія на ихъ сходство, или родство. Многія сближенія и замѣны одного изъ этѣхъ лицъ другимъ могли произойти въ позднѣйшее время, но они были бы не возможны, если бъ не опирались на первобытное сродство, впрочемъ, далекое отъ тождества. Одно изъ основаній этого сродства видно изъ только что указаннаго сродства Ягиной избы и змѣева дворца, а также изъ того, что какъ змѣй, такъ и Гольда (= Ягѣ) имѣютъ спину корытомъ;⁵⁷ и змѣй и Яга—представленія облака. Другое можетъ заключаться въ томъ, что хотя Яга первоначально тождественна съ тѣми красавицами, которыхъ освобождаетъ богатырь отъ змѣя, но, съ теченіемъ времени, съ перемѣной климата прародины Славянъ на теперешній, суровый, она стала грозною богинею зимы. Ея новыя отношенія къ дочерямъ дѣвицамъ (водамъ, быть можетъ, солнцу-дѣвицѣ) и ихъ освобождению такъ же враждебны, какъ и отношенія змѣя. Сколько изъ

⁵⁶ Бронниц. Русс. ск. 4.

⁵⁷ Skult. 499.

вѣстно, туча всегда представлялась обителью душъ; по туча-Яга-мерть, отождествившись съ зимою, измѣнила, конечно, характеръ къ худшему. Итакъ черты сходства Яги и змѣя слѣдующія:

Въ сказкѣ про Ивана Кошкина (Ж) мать змѣевъ, побитыхъ Кошкинымъ, въ другихъ варіантахъ — змѣиха, названа Бабою-Ягою. Она соотвѣтствуетъ, значить, матери Вритры. Въ Словенской (Словацкой) сказкѣ (Němcov., Slov. Poh. 145) богатырь на пути приходитъ въ три замка: оловянный, серебряный и золотой. Въ каждомъ — Ежи-Баба и ея сынъ великанъ, который ѣсть оловянные, серебряные, золотые галушки. Великаны вообще соотвѣтствуютъ змѣямъ. При томъ ихъ пища напоминаетъ желѣзный бобъ, которымъ кормится змѣй. Въ другой Словенской сказкѣ о Попельварѣ (Попеловѣ)⁵⁸ этотъ послѣдній, при помощи коня-Татоша и меча-кладенца, побиваетъ войско Ежи-Бабы, въ которомъ, на мѣсто каждой срубленной головы, вырастаетъ новая, потомъ одолеваетъ трехъ змѣевъ, сыновей Ежи-Бабы. Какъ умноженіе войска у Яги, такъ и подробности единоборства со змѣями (борьба на току, вбиванье противника въ землю) встрѣчаются въ слѣдующихъ Русскихъ сказкахъ, въ которыхъ Яга замѣняетъ змѣя. Ч. Аѳан. VII, 84, Иванъ Царевичъ и Бѣлой Полянинъ. Бѣлой Полянинъ (=не упомянутый нами Царь въ предыдущей Словенской сказкѣ, которому Попельваръ помогаетъ воевать съ Ягою) хочетъ добыть въ жоны прекрасную дочь Бабы-Яги-золотой ноги,⁵⁹ идля этого, безуспѣшно, впрочемъ, воюетъ съ Ягою. Иванъ Царевичъ берется ему помогать, и побиваетъ Бабино войско. Яга бѣжитъ подъ чугунную доску, на тотъ свѣтъ. Здѣсь сначала Иванъ Царевичъ видитъ портныхъ и сапожниковъ, или кузнецовъ и ткачихъ Бабы-Яги: что ни стегнуть иглою, или шиломъ, что ни ударять молотомъ, или бердомъ, то и Козакъ съ копьемъ, или солдатъ съ ружьемъ въ строй становится. Такъ Яга набираетъ войска. Царевичъ убиваетъ ихъ. Дальше находимъ Ягину дочь, которая показываетъ

⁵⁸ Němcov., Slov. poh. 145.

⁵⁹ Такъ какъ избушка на курячей ножкѣ есть сама Яга, то не слѣдуетъ ли сблизить эту золотую ногу Яги съ серебрянымъ столбомъ, на которомъ повертывается дворецъ змѣя?

ему путь къ матери. Царевичъ рубить у спящей Яги голову. Голова покатилаcь и промолвила: «Бей еще!» (см. выше). Потомъ выводитъ Ягину дочь, отдаетъ ее Полянину, а самъ отправляется искать еще лучшей невѣсты. Вообще, кромѣ нѣкоторыхъ, менѣе важныхъ, чертъ, эта сказка — варіантъ сказки о трехъ царствахъ (С, У), а Яга—змѣй. III. Кулишъ, Зап. о Южн. Россіи, О Соловьѣ-разбойникѣ и Слѣпомъ Царевичѣ. Русскій Царевичъ пріѣзжаетъ къ Бабѣ-Ягѣ-костяной ногѣ, у которой есть вишни-черешни, дающія здоровье, конь, который жаръ ѣстъ, и три прекрасныя дочери. Дочери этѣ напоили, накормили Царевича, а потомъ послали къ матери въ садъ. А Яга въ саду «на мѣдному току молотить, москалі робить» (ср. шитье или кованье и тканье москалѣвъ) «Що жъ, каже, чи будемъ битця, чи будемъ миритьця?» «Нѣ, каже, не того я заѣхавъ, щобъ миритьця.» Вона разъ крикнула на своихъ служебокъ: «Поднесѣте менѣ залѣзного бобу решето!..» Якъ утопить Баба-Яга Руського Царевича, да въ мѣдной тѣкѣ, такъ по колѣна и втисла. Вѣнъ Бабу якъ згрѣбъ, якъ ударить, такъ вона пѣдъ руки и вбѣгла въ мѣдной тѣкѣ» и пр. Очевидно, подробности борьбы тѣ же, что въ сказкѣ о Покотигорошкѣ и сама Яга замѣняетъ змѣя. Д. Сученко и три другіе богатыря заходятъ въ домъ подъ золотою крышею: вездѣ чисто, напитковъ-наѣдковъ вдоволь, а людей нѣтъ. Утромъ три брата уходятъ на охоту, а Ивана Царевича оставляютъ на хозяйствѣ. Вотъ ѣдетъ старый дѣдъ въ ступѣ, толкачемъ погоняетъ и проситъ милостыни. Паренко даетъ ему цѣлый хлѣбъ, а дѣдъ не за хлѣбъ, а за него, беретъ, крючкомъ да въ ступу, толкъ, толкъ, снялъ у него полосу со спины, да подъ полъ его и бросилъ. То же было на другой и третій день съ Поваренкомъ и Поляниномъ. На четвертый день дѣдъ—Сученка, но ступа разбилась. Сученко раскололъ пень и всадилъ дѣдову бороду въ расщелину. Дѣдъ бился, рвался, выворотилъ пень и унесъ его съ собою на тотъ свѣтъ. Сученко опускается за нимъ въ нору, побиваетъ змѣевъ, освобождаетъ Царевенъ; потомъ, когда братья изъ зависти не захотѣли вытащить его на этотъ свѣтъ, отыскиваетъ дѣда и бьется съ нимъ. Дѣдъ по ошибкѣ даетъ ему напитокъ сидьной воды, вмѣсто слабой, Сученко осиливаетъ, и дѣдъ ѣ откупается отъ него чудесными конями, которые выносятъ его на свѣтъ. Въ варіантѣ Н., вмѣсто дѣда въ ступѣ, карликъ Локтибрада (na riad'muž, na-

loket' brada) спрашиваетъ въ трубу, что ты дѣлаешь въ моемъ домѣ? — «Кашу варю.» Локтибрада побиваетъ Валиверха и сѣдаетъ ему горячую кашу на голомъ животѣ. То же съ Мѣсичелѣзомъ. Ломидрево забиваетъ бороду карлика въ колоду, тотъ бѣжитъ, оставивши бороду. Въ пеклѣ (на томъ свѣтѣ) Локтибрада показываетъ богатырю путь къ Царевнамъ, унесеннымъ змѣями, и за то получаетъ свою бороду. Въ вар. О. стучитъ, гремитъ (ср. стукотить-грюкотить кобиляча голова) входитъ старичокъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ, бьетъ богатырей Зарьку и Вечорку за то, что они его барановъ рѣжутъ. Полуночка побиваетъ его и забиваетъ его бороду въ дубовый столбъ. Старичокъ бѣжитъ, оставивши полъ бороды. По его слѣду богатырь идетъ на тотъ свѣтъ. Смыслъ всего этого не ясенъ, но ясна связь дѣда въ ступѣ и карлика съ Ягою, а въ варіантѣ Д. смѣшеніе дѣда со змѣемъ, основанное на томъ, что этотъ дѣдъ находится во враждебныхъ отношеніяхъ къ богатырю-Перуну. Это похожденіе съ дѣдомъ можно бы сравнить съ ясными сказками А, Б, В и съ приведеннымъ выше Словенскимъ ихъ варіантомъ (Skult. a Dobš. I, 4, Zakliata hora). По А. богатырь, рожденный отъ воды, со звѣрьми, убивши змѣя, женился на Царевнѣ. Онъ замѣчаетъ, что когда весь городъ поснетъ, въ одной хаткѣ все свѣтится. Тамъ живетъ старая змѣя (т. е., змѣиха). Онъ идетъ туда. Въ избѣ пусто. Но вотъ ѣдетъ Баба въ желѣзной ступѣ, толкачемъ погоняетъ. Стало быть, змѣя и Баба-Яга здѣсь одно лицо. Она даетъ богатырю два прутка и проситъ махнуть на звѣрей, чтобъ они ее не порвали. Тотъ махнулъ и—окаменѣлъ вмѣстѣ со звѣрьми. Перунъ оцепнѣлъ отъ стужи, зимы. За тѣмъ другой братъ (Агни) заставляетъ Ягу оживить его цѣлющею и живущею водою.

Бой со змѣемъ и освобожденіе солнца. Варіантъ Р. Въ нѣкоторомъ царствѣ не было дня, а все ночь, и это сдѣлалъ змѣй (который поглотилъ солнце). Вызвался его истребить богатырь Иванъ Попяловъ (названный такъ по тому, что 12 лѣтъ не вставая лежалъ въ попелѣ) съ братьями. Ёдутъ они, видятъ,—стоитъ хатка на куриной ножкѣ, а въ той хаткѣ живетъ змѣй. Они тамъ остановились. Иванъ повѣсилъ свои рукавицы, да и говоритъ братьямъ: «Какъ изъ моихъ рукавицъ потечетъ кровь, такъ прибѣгайте ко мнѣ на помочы!» А самъ сѣлъ подъ мостомъ (не подъ

поломъ, помостомъ въ хатѣ, какъ поняли записыватель и издатель, а подъ мостомъ на рѣчкѣ). Ъдетъ змѣй о трехъ головахъ. На мосту конь его споткнулся, собака завyla, соколъ печально закричалъ. Змѣй спрашиваетъ о причинѣ. «Какъ же мнѣ не спотыкаться, говоритъ конь, коли подъ мостомъ сидитъ Иванъ Попяловъ?» (Вар. II.: «Аль вы думаете, спрашиваетъ змѣй у коня, хорта и ворона, что Иванъ Быковичъ здѣсь? Такъ онъ добрый молодецъ еще не родился, а коли родился; такъ на войну не згодился»). Стали они мѣяться силою. Попяловъ убилъ этого змѣя, потомъ такъ же и другаго 6-тиголоватаго. Съ третьяго о 12 головахъ сбилъ 9 головъ, и не стало у обоихъ силы. Видятъ они, летитъ воронъ и кричитъ: «Кровь! кровь!». — «Лети къ моей жонкѣ, говоритъ змѣй: она заѣстъ Попялова!» — «Лети къ моимъ братьямъ, говоритъ Попяловъ: мы змѣя убьемъ, мясо тебѣ оставимъ.» Воронъ разбудилъ братьевъ. Вмѣстѣ они убили змѣя, разломили его голову, и сталъ бѣлый свѣтъ по всему царству. Въ Словенской, очень подновленной, сказкѣ (Němsov. Slov. Poh. 215) причина битвы со змѣемъ та же: Въ одномъ царствѣ совсѣмъ не было солнца, а вмѣсто него былъ у Царя конь съ солнцемъ на лбу, которое свѣтило, какъ настоящее солнце. Этого коня похитилъ, какъ послѣ оказалось, змѣй, и настала тьма. Въ другихъ вариантахъ о солнцѣ не упоминается, отъ чего цѣльность сказки страдаетъ, такъ какъ не видно, изъ за чего собственно быются. Богатырь въ другихъ вариантахъ — Быковичъ, Сучичъ, Кошкинъ, Покотигорошекъ, стало быть, громовое божество. Змѣй, какъ и во всѣхъ сказкахъ, то же, что Али, Вритра, Сушна. Мѣсто битвы въ II. на калиновомъ мосту, на рѣкѣ Смородинѣ, въ К. на огненной рѣкѣ, на калиновомъ мосту, въ П. на желѣзномъ мосту, въ С. поочереди на трехъ мостахъ: желѣзномъ, серебряномъ и золотомъ. Судя по повѣрью, что, когда громъ гремитъ, то это Илья по небесному мосту ѣздитъ въ колесницѣ, ⁶⁰ и здѣсь мостъ есть сводъ небесный. Мостъ этотъ калиновый, или металлическій, по связи калины (символическія значенія коей красота, молодость, дѣвство, любовь указываютъ на свѣтъ) и металловъ со свѣтомъ, блескомъ. Нѣмецкая сказка ⁶¹ говоритъ о стеклянномъ мостѣ, тож-

⁶⁰ Маркевичъ, Обычаи, повѣрья и пр. 15.

⁶¹ Wolf, Beitr. II, 213.

дественномъ со стекляною горою, т. е., свѣтлымъ небомъ. Ср. также въ Германской мифологіи мостъ, черезъ который должны переправляться на тотъ свѣтъ души усопшихъ, и представленіе радуги мостомъ боговъ, который свѣтлый богъ Геймдалль оберегаетъ отъ Гримтурсовъ.⁶²

Во второй половинѣ этой сказки не знаемъ, какъ понимать хитрости, которыми змѣевы дочки хотятъ погубить богатырей, и погоню змѣихи. Ясно только, что эта змѣиха, раскрывшая пасть отъ неба до земли, чтобъ проглотить богатырей, и въ варіантѣ Ж. замѣненная Ягою въ желѣзной ступѣ съ мѣднымъ толкачемъ, есть туча.

Дивъ А. Карадж. Пѣс. II, 26, Юванъ и дивски старѣшина; Б. Аван. Ск. VI, 241, Князь Княжевичъ, Иванъ Королевичъ; В. тамъ же 244, Звѣриное молоко; г) тамъ же 253; Д. тамъ же 260, Притворная болѣзнь; Е. тамъ же 266; Ж. Худяк. Великорус. ск. III, 25. Волкъ и Марья Царевна; З. Зап. о Ю. Р. II, 48. О Соловьѣ-разбойникѣ и слѣпомъ Царевичѣ; И. Valjav. III, Peter Breborić; I. Němc. Slov. Poh. 478. O Viťazkovi; K. Škult. a Dobš. 475, Try piťalky; Л. Kulda, Mor. Poh. 136; М. тамъ же 216.

Поваріанту И. богатырь рождается отъ дѣвицы, которая забеременѣла имъ, съѣвши какое-то зерно (зерно бреборово), и по тому названъ Петромъ Бреборичемъ. Очевидно, онъ то же, что Иванъ Горохъ или Покотигорошекъ, т. е., громовое божество. По I. мать кормила его грудью трижды семь лѣтъ, съ чѣмъ сравните сказанное выше объ Обиличѣ и др. подобныхъ. Этотъ срокъ (3+7, т. е., просто семь) можетъ имѣть значеніе тѣхъ, часто встрѣчаемыхъ въ Герм. и Греч.⁶³ повѣрьяхъ, семи зимнихъ мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ Перунъ еще скрытъ, еще набираетъ силы для лѣтней грозы. Дѣйствующее въ нашей сказкѣ женское лицо приходится этому витязю матерью, или сестрою, и только въ одномъ вар. Б. женою. Молодой богатырь съ этою матерью, или сестрою, оставляетъ отцовскій домъ. Причины различны: или Царь прогоняетъ злую жену, а вмѣстѣ съ нею идетъ и сынъ, или братъ

⁶² Grimm, Myth. 694.

⁶³ Maenh. Zeitschr. f. vergl. Myth. III; Kuhn, Die Sag. v. der weiss. Frau, 381.

уводить распутную сестру въ лѣсъ, чтобъ спастись отъ стыда за нее передъ людьми, или они уходятъ отъ гоненій мачихи и т. д. Разница не существенна. Нѣкоторые варианты готовятъ слушателя къ дальнѣйшимъ событіямъ, заранее указывая на злой нравъ этой женщины. Богатырь приходитъ съ нею въ горы, обитаемая дивами (дивска планина), посѣкаетъ саблею 70 дивовъ. Дивскій старѣйшина скрывается, потомъ сводитъ любовь съ матерью Ивана Царевича. (А) Въ др. вар. диву соотвѣтствуетъ змѣй: Витязко, побивши змѣевъ въ ихъ дворцѣ, находитъ въ десятой замкнутой комнатѣ змѣя, прикованнаго къ стѣнѣ тремя желѣзными обручами. Въ его отсутствіе заходитъ въ ту же комнату мать. По просьбѣ змѣя, она даетъ ему, одну за другою, три чаши вина изъ заветной бочки, или сильной воды. Послѣ каждой чаши лопается на змѣѣ по обручу (I, II). Отсюда видно, что дивъ есть одно лицо со змѣемъ въ бочкѣ, т. е., туча, скрывающая плодотворныя воды и свѣтила. Въ М. дивъ или змѣй замѣнены Обромъ, великаномъ, въ Д. огненнымъ Царемъ (змѣй, мечущій перуны, есть тѣмъ самымъ огненное существо), въ нѣсколькихъ другихъ—атаманомъ разбойниковъ (сравни. Санскр. dāsa, змѣй и врагъ, разбойникъ). Замѣчательнъ вар. Ж: У Ивана Царевича и Марьи Царевны была игрушка, маленькій волкъ. Волкъ этотъ ожилъ, хотѣлъ съѣсть Марью Царевну, если она не выйдетъ за него замужъ. Марья Царевна согласилась. Предполагаемое возрастаніе волка, который былъ сначала игрушкой, нѣсколько сходно съ одной чертой Скандинавской сказки о Рагнарѣ Лодброкѣ: отецъ даритъ своей дочери, Торѣ, маленькаго змѣя въ коршуновомъ яйцѣ. Тора готовится ему золотую постель, змѣй растетъ вмѣстѣ съ золотомъ и вырастаетъ такъ, что обвивается вокругъ терема Торы. Замѣну змѣя волкомъ мы видѣли уже въ сказкахъ о Норкѣ звѣрѣ и о бѣломъ волкѣ (У, Ф). Въ тождествѣ дива, разбойника и змѣя (=Вритри, Али) увѣряетъ нѣсколько подробностей: богатырь передъ боемъ пьетъ сильную воду, какъ Индра Сому (Л); онъ находитъ мечъ-самосѣкъ, соотвѣтствующій громовой стрѣлѣ (М); огненный Царь, пораженный мечемъ-кладенцемъ, кричитъ: «Бей еще!» Онъ бы ожилъ отъ второго удара.

Мать, или сестра, понявшись съ дивомъ, змѣемъ, волкомъ, или разбойникомъ, хочетъ извести богатыря. Съ этою цѣлью она

прикидывается больною и посылаетъ его туда, гдѣ можно сложить голову. Богатырь, изъ любви къ ней, исполняетъ разныя задачи, которыя не что иное, какъ повторенія главнаго подвига громоваго божества, именно, извлеченія дождя изъ тучи и борьбы съ тучами, какъ враждебными существами. На это указываетъ варіантъ Е., въ которомъ, вмѣсто всѣхъ ниже приводимыхъ задачъ, троекратное повтореніе одной: убить чудище о 3-хъ, 6-ти, 9-ти головахъ, и вынуть изъ него сердце.

1) Богатырь добываетъ молока у волчицы, медвѣдицы и львицы, доить ихъ и получаетъ отъ нихъ по дѣтенышу, или по свистку, на которомъ свиснуть, и этѣ звѣри прибѣгутъ на помощь (Б, В, К, Л). Въ М. его посылаютъ за молокомъ змѣихи. Молоко—представленіе дождя, а звѣри и змѣиха—тучи. 2) Онъ достаетъ живой воды. Въ А и З эту воду стережетъ змѣй, котораго богатырь убиваетъ. Основное значеніе этого образа сохранилось въ повѣрьѣ, что если убить змѣю и повѣсить на березѣ (по чему на березѣ? Можетъ, на осинѣ?), то дождь пойдетъ (Даль). По нѣсколькимъ другимъ вар. не змѣй стережетъ воду: два камня толкутся, и изъ промежъ нихъ льется живая вода; но это не камни, а враги (черти, змѣй); только въ полночь они засыпаютъ на двѣ минуты. (И) Есть двѣ горы, стоятъ вмѣстѣ вплотную, только разъ въ сутки расходятся, и черезъ 2—3 минуты опять сходятся. Между тѣми горами — живущая и цѣлющая вода. (В) Есть два берега, и подъ тѣми берегами бьетъ ключемъ живая и мертвая вода. Правый берегъ открывается въ самый полдень, и подъ нимъ живая вода, лѣвый — въ полночь, и подъ нимъ мертвая. (І) Въ ск. А: живущую и цѣлющую воду стерегутъ вороны съ желѣзными носами, а сверхъ того еще двѣ горы, которыя то сходятся, то расходятся. Этѣ камни или горы толкучія, скрывающія живую воду, т. е., воду дождя, конечно, тучи. Представленіе облака горю въ Ведахъ очень обыкновенно; въ силу его комментаторы придаютъ названіямъ горы значеніе облака: гири, м., холмъ, гора, облако; адри, м., камень, гора, туча, во мн. ч. адраjah, горы (тучи), какъ враги Индры (ср. вар. И, камни — враги, т. е., змѣи), такъ что эпитетъ этого послѣдняго адрибhid можетъ значить и раскалывающій горы-облака, и поражающій змѣевъ, представляемыхъ въ томъ и другомъ видѣ; даже для Санскритскаго

гѣтра, ср., коровій хлѣвъ, выводятъ значеніе горы изъ эпитета Индры гѣтрабhid, разбивающій коровій хлѣвъ, т. е., гору-тучу (и выпускающій небесныхъ коровъ, которымъ эта гора, или пещера, служила хлѣвомъ. ⁶⁴ По поводу эпитета горъ толкуція сдѣлаемъ слѣдующее отступленіе. Змѣй и тучи представлялись крылатыми. Естественно было и горѣ, какъ тучѣ, приписать крылья. Этѣмъ путемъ возникло Индійское повѣрье, что нѣкогда у горъ были крылья. Перелетая съ мѣста на мѣсто, горы заваливали города и вообще причиняли вредъ людямъ. Люди взмолились Индрѣ, и онъ стрѣлами поотрѣзывалъ крылья у горъ. Изъ этѣхъ крыльевъ стали облака. Обрѣзыванье крыльевъ тождественно съ убійствомъ, по тому что раны, нанесенныя Индрою, были смертельны. ⁶⁵ Мы думаемъ, что у насъ Христіанская замѣна Индры, какъ устроителя земли, заставившаго горы стать неподвижно, есть Егорій Храбрый. Послѣ чудеснаго освобожденія Егорія изъ темницы, которое сюда не относится, мать его, Св. Софія, даетъ ему богатырскаго коня со сбруею и оружіемъ, съ чѣмъ сравните то, что въ нѣкоторыхъ сказкахъ разсматриваемаго круга одна баба указываетъ богатырю мѣсто, гдѣ за 12-ю дверью, 12-ю цѣпями, ждетъ его богатырскій конь. За тѣмъ всѣ заставы, которыя проѣзжаетъ Егорій и которыя по одному вар. поставлены самимъ Царемъ Демьяномъ, ⁶⁶ всѣ труды, по устроенію земли, по первоначальному значенію, вѣроятно, тождественны съ послѣднимъ трудомъ, убіеніемъ Царища Діоклитіанища, т. е., змія. Горамъ толкучимъ приказываетъ ни сходитьсѣ, ни расходитьсѣ, а стать на одномъ мѣстѣ. Нѣкоторые варіанты прибавляютъ «по прежнему,» что не имѣетъ смысла. Въ томъ-то и сила, что прежде горы не стояли на мѣстѣ. Эта прибавка есть поползновеніе рационализма, не уничтожая чудеснаго, ограничить его во времени. Гора есть туча-змѣй, слѣдовательно, мы имѣемъ здѣсь нѣчто соответствующее упомянутому обрѣзыванью крыльевъ (накша чхѣда). Наѣзжаетъ на лѣса дремучіе: лѣсъ къ лѣсу приклонится, нельзя ему проѣхать. Онъ велитъ лѣсамъ ни шататься, ни ка-

⁶⁴ Bothling u. Roth, Sanskr. Wörterb.

⁶⁵ Bhartrihari, ed. Böhlen, ib. II, 29.

⁶⁶ Безсоновъ, Калекс II, 301.

чаться, а стать на одномъ мѣстѣ (очевидная аналогія съ горами толкучими), или, по другимъ варіан., разростись по всей землѣ. Лѣсъ—тоже облако. Небеснымъ лѣсамъ, враждебнымъ, онъ велитъ стать земными, служащими на потребу человѣку, что указываетъ на мифъ о происхожденіи лѣсовъ отъ облакъ, подобный ниже упоминаемому о происхожденіи простыхъ змѣй отъ чудовищныхъ змѣевъ. Далѣе, разгоняетъ стадо волковъ, которые, какъ увидимъ, имѣютъ одно мифическое значеніе со змѣями. Потомъ разбиваетъ стадо змѣиное на черепья, откуда пошли земныя змѣи; освобождаетъ сестеръ, подобно сказочному богатырю; убиваетъ огненного змѣя и наконецъ самаго Царища Демьянища, который и самъ есть тотъ же змѣй: «яко змѣй летитъ», «визжитъ по змѣиному.» Мы пропустили еще птицу на воротахъ, по тому что этотъ образъ намъ не понятенъ. Что до рѣкъ, которымъ Егорій приказываетъ протечь по всей землѣ, то мы упоминали уже, что Индра прорываетъ русло рѣкамъ, что рѣки текутъ изъ убитаго имъ змѣя. Связь рѣкъ въ стихѣ о Егоріи съ тучею-змѣемъ превосходно доказывается Болгарскою пѣсней: ⁶⁷ Св. Георгій идетъ осматривать хлѣба (онъ, какъ Индра и Торъ, покровитель земледѣлія), встрѣчаетъ сѣрую трехголовую змѣю, сбиваетъ ей булавой три головы, изъ коихъ протекаетъ три рѣки черной крови. Но это не были три рѣки черной крови: первая рѣка была пшеница пахарямъ, другая рѣка прѣснаго молока пастухамъ, третья рѣка янтарнаго вина винодѣламъ. Такимъ образомъ здѣсь отождествлены два различные, но сродные, образа: рѣки змѣевой крови и рѣки дождя, оплодотворяющіе землю потоки одъ, которыя до того были заключены въ этомъ змѣѣ. Настоящія, земныя рѣки ведутъ свой родъ отъ небесныхъ водъ; такъ, на пр., Ганга упала съ неба. Въ заключеніе, возвращаясь къ горамъ толкучимъ, замѣтимъ, что въ пословицѣ: «Гора съ горою не сойдется, а человѣкъ съ человекомъ,» отрицаніе подвижности горы предполагаетъ утвержденіе, что гора съ горою сходится, что, какъ видимъ, въ чѣмъ-то смыслъ справедливо.

3. Богатырь достаетъ мучной пыли, дающей красоту, въ чортовой мельницѣ, за 12-ю дверьми, которыя открываются только

⁶⁷ Безсон. Тоже 504.

разъ въ годъ, и то на короткое время (Б, В). Сходство мельницею или жерновами, въ которыхъ трутся два камня, и представленіемъ тучъ камнями, или горами толкучими, такъ велико, что нѣтъ препятствій считать и мельницу, или жернова, за представленіе тучи.⁶⁸ Яга ѣздитъ въ ступѣ, пестомъ погоняетъ, т. е., она сама есть ступа-туча. Здѣсь одна изъ точекъ соприкосновенія Яги со змѣемъ, по тому что хотя змѣй въ ступѣ и не ѣздитъ, но мельница, о которой говоритъ наша сказка, принадлежитъ чорту, т. е., змѣю, врагу. Какъ живая вода, которая льется изъ промежъ камней, даетъ жизнь, такъ пыль изъ чортовой мельницы даетъ красоту. Въ другой сказкѣ Аван. IV, 27, на небѣ стоятъ жерновцы: повернутся — пироги да таньга, на верхъ каши горшокъ. По Германскимъ повѣрьямъ подобные жернова мелютъ муку, соль, золото, или счастье, миръ, золото. Основное представленіе вездѣ одно.

4. Богатыря посылаютъ за цѣлющими яблоками изъ сада, оберегаемаго змѣемъ. Онъ убиваетъ змѣя и освобождаетъ похищенныхъ имъ Царевенъ (I, II, A, M). Или богатырь ѣдетъ за вишнями-черешнями изъ сада Бабы-Яги, побѣждаетъ Ягу, но даритъ ей жизнь, за что она даетъ ему вишень, и потомъ оживляетъ, или спасаетъ отъ смерти (З; ср. Д). Связь этой задачи съ предыдущими видна въ вар. А, гдѣ яблоки растутъ именно у воды, охраняемой змѣемъ. Извѣстно, что подобныя яблоки растутъ на стеклянной горѣ, т. е., на небѣ, у Яги-Гольды, въ царствѣ вѣчной жизни, что сами они символы вѣчной жизни, что, вмѣстѣ съ другими сокровищами (водами, кладами), могутъ временно находиться во власти темныхъ силъ; *tertium comparationis* между этими яблоками и жизнью, молодостью и пр., не ясно. Не знаемъ также, что это за порося земной свиньи (II, I) и птица пеликанъ (I).

Важнѣйшихъ окончаній этой сказки два. По одному врагъ, пользуясь тѣмъ, что охота Царевича осталась за дверьми чортовой мельницы, хочетъ его съѣсть; но пока богатырь моется въ банѣ, чтобы быть вкуснѣе, подоспѣваетъ охота и разрываетъ змѣя на части (Б, В). По друг. вар. мать, какъ бы въ шутку, крѣпко связываетъ богатырю руки, или хитростью заставляетъ отложить мечъ-самосѣкъ и поясъ, дающій силу (такой поясъ былъ и у

⁶⁸ Ср. Mannh., Germ. Myth. 398.

Тора), ея любовникъ убиваетъ, или только ослѣпляетъ, богатыря но чудесное существо (вила, Яга, млада недѣля) возвращаетъ ему жизнь, или зрѣніе. За тѣмъ мѣсть змѣю и матери (А, И, І и др.). Нѣтъ сомнѣнія, что вся эта сказка есть исторія громоваго божества, змѣя, похитителя водъ и жены, одной изъ водъ, которая, подобно Егорьевымъ сестрамъ, «набралась духу нечистаго», стала женою врага, дасапатнѣ.

Сказка о сватаньи на дочери змѣя или морскаго Царя принадлежитъ къ двумъ основнымъ типамъ, сходнымъ между собою по дѣйствующимъ лицамъ и по нѣкоторымъ подробностямъ.

Варіанты перваго типа — І (объ Иванѣ Голикѣ); Н, Аван. V, 164, Безногий и слѣпой богатыри; З, Бурь Храберь; О, Аван. VII, 290, Вѣщій сонъ. По І. отецъ за дерзкое слово бросаетъ Ивана Голика въ море. Голика глотаетъ большая рыба, изъ которой онъ добывается на свѣтъ. Платье на немъ въ рыбѣ истлѣло, и онъ голый ⁶⁹ встрѣчается съ поѣздомъ своего роднаго брата, который ѣдетъ сватать змѣеву дочку. Голикъ обѣщаетъ помогать брату, если тотъ обѣщаетъ слушаться его во всемъ. На пути Голикъ даетъ дорогу мышиному войску, поить своею кровью войско комаровъ, пускаетъ въ воду пару щукъ. Палаты змѣя обнесены желѣзнымъ частоколомъ, и на всякой палѣ по людской головѣ, только нѣтъ головъ на 12-ти паляхъ у воротъ. «Стали вони подходить, стала князевѣ туга до сердца приступать, и рече Князь: «А на сихъ паляхъ, Иване Голику, чи не доведется наши головы понастромлювать?» Змѣй соглашается выдать за Князя меньшую изъ своихъ 14-ти дочерей, если онъ исполнить его задачи. Три задачи соотвѣтствуютъ тремъ встрѣчамъ на пути. Мыши, созданныя Голикомъ, перемолачиваютъ скирты на змѣевомъ гумнѣ, такъ что полоса къ полосѣ, солома къ соломѣ, зерно къ зерну; щуки находятъ перстень молодой змѣевны, кинутый змѣемъ въ море; комаръ узнаетъ меньшую изъ 12-ти дочерей змѣя. Задачи эти соотвѣтствуютъ тѣмъ, которыя мы встрѣчали въ сказкахъ о женидбѣ на бабиной дочери, и указываютъ на тождество змѣевой и бабиной дочери, героя тѣхъ сказокъ и Ивана Голика, настоя-

⁶⁹ Отсюда прозвище Голикъ или, по непзд. вар., Гольцовъ, т. е., Голецъ.

щаго и первоначально единственного героя этой. Сверхъ того, Голикъ, вмѣсто Князя, пускаетъ, по приказу змѣя, изъ огромнаго лука 50-типудовую стрѣлу и объѣзживаетъ кобылу, которую оборотилась меньшая змѣева дочь, при чемъ бьетъ эту кобылу обломками того лука. Первая изъ этѣхъ задачъ, при другихъ доказательствахъ, можетъ указывать на то, что Голикъ есть громовое божество, оружіе коего, кромѣ булавы—перипа,—лукъ и стрѣлы. Оборачиванье кобылою говоритъ объ облачной природѣ змѣевны. Голикъ совѣтуетъ брату не доимать женѣ вѣры до семи лѣтъ: не смотря на это, Князь признается ей, что всѣ задачи ея отца могъ исполнить только Голикъ. Змѣевна изъ мести перерубила Голика по поламъ, а своего мужа повернула въ свинари. Оставшись безъ ногъ, Голикъ дружится съ безрукимъ богатыремъ, вмѣстѣ съ тѣмъ освобождаетъ Царевну отъ змѣя, который лгетъ къ ней и сосетъ груди, заставляетъ этого змѣя показать живущую и цѣлющую волю. Испѣлившись, онъ отучаетъ братову жену отъ змѣинаго норову.

Въ II. объ отцѣ Царевны нѣтъ рѣчи. Вмѣсто Голика-Котома дядька-дубовая шапка. Задачи, которыя онъ исполняетъ за Ивана Царевича: изъ своего царства сбить булавою верхъ съ терема Царевны въ ея царствѣ; загадать Царевичъ такую загадку, которой бы она не разгадала; порубить на дрова большой чугунный столбъ; объѣздить богатырскаго коня, для чего нужны чугунные полѣвья. Послѣдняя задача есть, очевидно, искаженіе соотвѣтствующей задачи въ сказкѣ о Голикѣ. Передъ вѣнцомъ Царевна сильно сжимаетъ руку Ивану Царевичу и убѣждается, что не онъ богатырь, а его дядька. Остальное почти какъ въ вар. У. Вмѣсто змѣя сосетъ у дѣвицы груди Баба-Яга-костяная нога.

Въ вар. З. Голику соотвѣтствуетъ Буръ Храберъ (Кобыличъ), который, съ братьями, Иваномъ и Дмитріемъ, Царевичами, пріѣзжаетъ въ царство Царицы волшебницы. Благодаря Буру, Иванъ Царевичъ исполняетъ заданную ею задачу,⁷⁰ и становится ея мужемъ. Въ первую ночь она положила на Ивана Царевича руку—онъ и дышать пересталъ, положила ногу—онъ совсѣмъ умираетъ. Иванъ Царевичъ отпрашивается на улицу, мѣняетъ одежду съ Бу-

⁷⁰ См. ниже.

ромъ и посылаетъ его, вмѣсто себя. Буръ Храберъ взялъ съ собою три прута мѣдныхъ, да три желѣзныхъ, да три оловянныхъ, и когда Царица и съ нимъ захотѣла сдѣлать то же, избилъ на ней этѣ прутя. Избивши, онъ вышелъ и говоритъ Ивану Царевичу: «Ступай, теперь она смирна!» ⁷⁴ Иванъ Царевичъ признается Царицѣ, что не онъ ее билъ, и отсюда ей мсть. Она приказала выколоть Бурѣ Храбру глаза, а Димитрію Царевичу, который соотвѣтствуетъ безрукому богатырю сказки о Голикѣ, отрубить ноги, остальное какъ въ У. Какъ общія черты этого послѣдняго варіанта, такъ въ особенности варіантъ З, имѣють сродство съ женидьбою Гуннара въ сказаніяхъ о Нифлунгахъ. Одинъ Сигурдъ достоинъ стать мужемъ Валкиріи и Брингильды, осужденной Однимъ на земную жизнь, подобно тому, какъ только Голикъ, или Буръ, а не его братъ, можемъ выполнить извѣстныя задачи и добыть Царевну. Но Сигуръ женится на Гримгильдѣ или Гудрунѣ, сестрѣ Гуннара, и уступаетъ Брингильду этому послѣднему. Онъ проѣзжаетъ сквозь пламенную ограду, которою Одинъ окружилъ замокъ Брингильды и, выдавая себя за Гуннара, спитъ съ нею три ночи, положивши между нею и собою обнаженный мечъ. Или: въ первыя три ночи между Гуннаромъ и Брингильдою происходитъ борьба, которая кончается каждый разъ тѣмъ, что Брингильда связываетъ жениху руки и ноги своимъ поясомъ и вѣшаетъ его на гвоздь. Сигурдъ объясняетъ Гуннару, что сила его невѣсты кончится вмѣстѣ съ дѣвствомъ. Гуннаръ мѣняется платьемъ съ Сигурдомъ, который, выдавая себя за мужа Брингильды, одолеваетъ ее и лишаетъ дѣвства. Тайна эта обнаруживается съ теченіемъ времени, и Брингильда жестоко мститъ Сигурду за оскорбленіе. Здѣсь, впрочемъ, и оканчивается сходство. Если, какъ думаю, сближеніе нашей сказки со Скандинавскою вѣрно, и если первоначально Буръ Храберъ, или Голикъ и его братъ, которому онъ добываетъ жену, — одно лице, то раздвоеніе это произошло еще до раздѣленія Славянскаго и Германскаго племенн.

Въ вар. О. отецъ велитъ привязать Ивана, Кузнеческаго сына, къ столбу у проѣзжей дороги, за то, что тотъ не хотѣлъ

⁷⁴ Аван. V, 136—137.

разсказать своего сна. Проѣзжаетъ Царевичъ, отвязываетъ Ивана, но за то, что Иванъ и ему не хочетъ разсказать своего сна, сажаетъ его въ темницу, а самъ ѣдетъ свататься на Еленѣ Прекрасной. Этотъ сонъ, показавшій Ивану его будущія отношенія къ отцу и Царевичу, — только рамка, въ которую вставленъ главный разсказъ о сватовствѣ, и особенной важности не имѣетъ. Общаго со сказкою о Голикѣ то, что и здѣсь сынъ безъ вины страдаетъ отъ отца, но и этой чертѣ нельзя приписать большой древности. Сестра Царевича узнаетъ, что безъ Ивана ея братъ не высватаетъ Елены Прекрасной. Освобожденный ею Иванъ (=Голикъ, Буръ, Котома), вмѣстѣ съ одиннадцатю товарищами, совершенно на него похожими, ѣдетъ за Царевичемъ и нанимается къ нему на службу. Задачи Елены Прекрасной въ томъ, чтобъ три раза принести къ ея незнакомому свое подъ пару. При помощи шапки-невидимки и сапоговъ-скороходовъ, Иванъ узнаетъ, что въ первый разъ нуженъ башмачекъ подъ пару, въ другой селезень къ уточкѣ. Третья, самая важная, задача такая же, какъ въ 3: ⁷² Елена Прекрасная вызываетъ изъ моря своего дѣдушку, у котораго борода золотая, волоса на головѣ серебряные. Дѣдъ положилъ ей голову на колѣни и задремалъ. Она вырвала ему изъ головы три серебряные волоса, а Иванъ невидимкою—цѣлый пучокъ. Дѣдъ вскрикнулъ отъ боли, но Елена Прекрасная успокоила его, и онъ сталъ опять засыпать. Тогда Елена вырвала у него три золотые волоса, а Иванъ чуть не всю бороду оборвалъ. Дѣдъ вскочилъ и бросился въ море. Послѣ свадьбы Елена Прекрасная узнаетъ, что не мужъ ея хитеръ, а хитеръ его слуга; потребовала этого слугу на расправу, но ни какими уловками не могла отличить его отъ одиннадцати товарищей. Водяной дѣдъ Елены Прекрасной соотвѣтствуетъ Морскому Царю, отцу Василисы Премудрой, въ нижеслѣдующей сказкѣ. Въ Нѣмецкихъ вар. сказки о Маркѣ Богатомъ и Василии Безсчастномъ, молодецъ идетъ на край свѣта за тремя золотыми волосами великана (или за тремя перьями изъ хвоста змѣя). Великанъ этотъ, какъ

⁷² Гдѣ, впрочемъ Буръ Храберъ рубитъ голову золотоволосому дѣду. Въ варіантѣ сказки О (Худяк. III, 139. Двѣнадцать Микитъ) старшій Микита, какъ въ 3. Буръ, избавляетъ Царевну, которая въ первую ночь хотѣла было задушить мужа, те три прута мѣдныхъ, желѣзныхъ, жестяныхъ.

видно изъ подобнаго сказанія, записаннаго Саксономъ Грамматикомъ, есть *Utgardaloki*, одинъ изъ враговъ Тора (т. е., соответствуетъ нашему змѣю); отправляется за его волосами нѣкто *Thôrkil* въ которомъ видятъ самаго Тора.⁷³ Отсюда видно, что какъ небесный змѣй Вритра сталъ со временемъ обладателемъ земнаго моря, и какъ змѣй Аги притворился въ Сканд. морскаго великана Эгира,⁷⁴ имя коего въ нѣкоторыхъ собственныхъ именахъ получило даже нарицательное значеніе моря.⁷⁵ Такъ у насъ Водяной Дѣдъ съ золотою бородою и Морской Царь первоначально одно лицо со змѣемъ, а богатыри, имѣющіе съ нимъ дѣло, замѣнили громовое божество.

Варианты сказки о Морскомъ Царѣ и Василисѣ Премудрой: II, Ае. V, 96; P, тамъ же VI, 205; C, тамъ же 214; T, тамъ же 218; Y, тамъ же 233; Ф, Худяк. I, 60, Мужикъ и Настасья Адовна; X, тамъ же III, 150; Ц, *Škult. a Dobš.*, 38, *Raduz a Ludmila*; Ч, тамъ же 423, *Surienka a Atalienka, Nĕmcové, Slov. Poh.* 61; III, Grimm, *Märch.* I, 285, № 56, *Der Liebste Roland*; III, тамъ же II, 135, № 113, *De beiden Kunigeskinner*.

Сказка эта, за исключеніемъ начала (о битвѣ звѣрей съ птицами и проч.), прибавленнаго въ нѣкоторыхъ вар., состоитъ въ слѣдующемъ. Морской Царь (Царь-некрещенный лобъ, Чудюдо беззаконное, Адъ, Чортъ) вымогаетъ у Царя обѣщаніе отдать то, о чемъ тотъ у себя дома не знаетъ. А дома у Царя тѣмъ временемъ родился сынъ. Выросши, этотъ сынъ идетъ къ Водяному. На море прилетаютъ 12 утокъ (голубокъ), дочерей Водянаго Царя, и скинувши сорочки (крылья), оборачиваются дѣвками и купаются. Царевичъ крадетъ у одной изъ нихъ, Василисы Премудрой, сорочку, и не отдаетъ, пока та не обѣщаетъ стать его женою. При ея помощи Царевичъ исполняетъ задачи Водянаго Царя, потомъ бѣжитъ отъ него съ своею невѣстою, или женою. Василиса Премудрая спасаетъ себя и его отъ погони отца, оборачивая мужа въ шиповникъ, а себя въ розу и т. п.

⁷³ Mannuh. Myth. 203.

⁷⁴ Тамъ же 220.

⁷⁵ Рѣка Eider, Древн. Egidora, двери къ Эгиру, къ морю. Grimm, Myth. 219.

У самаго дома Царевичъ оставляетъ ее на время, но дома забываетъ объ ней совѣтъ и собирается жениться на другой. Въ самый день свадьбы Василиса Премудрая напоминаетъ ему о своей любви и страданіяхъ. Онъ оставляетъ вторую невѣсту и беретъ первую. Многія частности въ этой очень извѣстной сказкѣ остаются непонятными, но можно вѣрно опредѣлить, кто такіа дѣйствующія лица.

Къ сказанному выше о Водяномъ или Морскомъ Царѣ прибавимъ: У него въ подводномъ царствѣ такой-же свѣтъ, какъ у насъ: поля, луга, роши и солнце свѣтитъ (Р). То же, какъ мы видѣли, говорится о подводномъ царствѣ Гольды, о томъ свѣтѣ, куда спускаются, или поднимаются богатыри. Болѣе, менѣе ясные слѣды этого видны и въ разсказахъ о водяныхъ и русалкахъ, и во всѣхъ этѣхъ случаяхъ «тотъ свѣтъ» есть страна первоначально воздушная. Водяной Царь, подобно многимъ другимъ Индо-Европейскимъ водянымъ и морскимъ божествамъ, сначала царилъ надъ воздушнымъ моремъ. Вокругъ дворца Водянаго Царя стоитъ частоколъ, на каждой спицѣ по головѣ воткнуто, и только одна частоколина порожняя. Царевичъ боится, чтобы его головѣ не быть на этой спицѣ (Р, С, У). Та же черта въ У о змѣѣ, въ Серб. вар. сказки о Тугаринѣ, о Бабѣ (Ягѣ). Вѣроятно, эта черта указываетъ на отношеніе какъ Водяного и змѣя, такъ и Яги къ смерти. И не этою одною чертою Водяной Царь роднится съ Ягою и змѣемъ. Въ вар. Ц, Ч, Ш, онъ раздвоится на двѣ личности (Ježibaba Ježibabel, вѣдьма и ея мужъ, водяной и его жена, которая пострашнѣе его), что напоминаетъ раздвоеніе Яги на дѣда и бабу, въ вар. Ш, переходящемъ въ разрядъ сказокъ о Гольдѣ, онъ прямо замѣняется вѣдьмою, то есть, Гольдою, Ягою. Въ Ц Ежибабель, потомъ Ежибаба гонятся за Радузомъ и Людмилою, оборотившись черною, сивою, красною тучею. Какъ змѣй замѣняется волкомъ и желѣзнымъ мнихомъ, такъ Водяной Царь медвѣдемъ, желѣзною шерстью и желѣзнымъ волкомъ.⁷⁶ Въ сказк. Аван. V, 131 Царь на охотѣ наклоняется воды изъ колодца напиться. Царь-Медвѣдь (какъ Водяной Царь

⁷⁶ О желѣзномъ волкѣ есть, должно быть, сказки у Поляковъ. Ср. пословицу: «Baže jako o želazném wilku.»

въ У и друг.), хватаетъ его за бороду и отпускаетъ только съ уговоромъ отдать, чего Царь дома не знаетъ. Тѣмъ временемъ Царица родила Ивана Царевича и Марью Царевну.⁷⁷ Въ другой подобной сказкѣ (Аб. тамъ же 227) ѣсть людей во всемъ царствѣ и добирается до Ивана Царевича и Елены Прекрасной. Медвѣдь — желѣзная шерсть или желѣзный волкъ, котораго Царь подарилъ было дѣтямъ, какъ игрушку, но который потомъ ожилъ и выросъ.

Въ вар. П. Царевичъ встрѣчаетъ и беретъ къ себѣ на службу трехъ богатырей: Обѣдала, Опивала и Мороза-Трескуна, которые потомъ исполняютъ за него задачи Водянаго Царя. Обѣдало съѣдаетъ множество всякой стравы, Опивало заразъ выпиваетъ 40 бочекъ питья, Морозъ охлаждаетъ чугунную баню, нарочно раскаленную до красна, чтобъ сжечь молодыхъ. Этотъ мотивъ сдѣсъ вставной, и его настоящее мѣсто въ тѣхъ сказкахъ о сватовствѣ на Царевнѣ, въ которыхъ задачи, исполняемыя этими богатырями, единственныя. Тѣмъ не менѣе вставка эта знаменательна и основывается на томъ, что Иванъ Царевичъ нашей сказки есть одно лицо съ тѣми, которымъ служатъ эти богатыри въ другихъ сказкахъ. Въ Г. Сучичъ добываетъ дочь невѣрнаго Царя при помощи Мороза, Поѣдайла, Попивайла и, сверхъ того, Посовайла, который какъ двинется по скамѣ, утыканной острыми гвоздями, такъ всѣ гвозди пригнетъ; человѣка Мухи, который, оборотившись мухою, показываетъ Сучичу, которую изъ 12-ти Царевенъ выбрать человѣка; Ястреба, который ловить Царевну, когда она оборотилась птичкою, и человѣка, «що воду на лозѣ чѣпля», который, развѣшавши, какъ ткань, всю воду пруда по лозамъ, находитъ Царевну, оборотившуюся рыбкою. Въ вар. И. Ивану Быковичу служатъ въ такомъ же дѣла мастера ѣсть, пить, въ банѣ париться, ершомъ плавать и звѣздочетъ. Но Сучичъ и Быковичъ — образы громоваго божества, слѣдовательно, и Иванъ Царевичъ въ вар. П.—то же. Сами богатыри Поѣдало, Попивайло и проч. не что иное, какъ олицетворенія отдѣльных

⁷⁷ Дальше рассказывается, какъ медвѣдь отыскалъ этихъ дѣтей, и какъ они бѣжали отъ него. Ср. варіантъ сказки о Морскомъ Царѣ Аб. V, III, слѣд. и сказки о бѣгствѣ отъ Яги.

свойствъ, какъ разложеніе одного богатыря, именно того, что сватается на Царевичѣ. Подобнымъ образомъ въ вар. О. 12 Ивановъ — разложеніе одного Ивана, въ У и З. Голикъ или Буръ и его братъ — одно лицо. Съ нѣкоторою вѣроятностію это можно вывести изъ домашнихъ источниковъ. Въ вар. К. (Ае. V, 118) самъ Покотигорошко есть объѣдало, а по тому въ помощи такого богатыря не нуждается. Онъ идетъ отымать братьевъ и сестру отъ змѣя. Встрѣчаетъ череду. «Сѣжь у меня, говоритъ ему чередникъ, наибольшаго вола, тогда отымешь.» Покотигорошко сѣдаетъ. То же при другой и третьей встрѣчѣ говорятъ ему чабанъ и свиляръ. И самъ змѣй даетъ ему задачу сѣсть по 12-ти воловъ, барановъ, кабановъ, и уже когда тогъ сѣлъ, бьется съ нимъ на току. Въ Словацкой сказкѣ Нѣмс. Рол. 615, богатырь Mrdotús (что усомъ моргаетъ), который, какъ Дубыня, рветъ деревья съ корнями и, моргнувши усомъ, наводитъ морозъ, идетъ освобождать Царевну, похищенную Ежибабою, ему служатъ Быстроокій, Долгій и Широкій. Послѣдній выпиваетъ полъ озера, въ которое Яга бросила перстень Царевны, а первые два находятъ этотъ перстень; Широкій сѣдаетъ за разъ 12 мѣръ хлѣба и выпиваетъ 12 бочекъ вина; Мёрдоусъ охлаждаетъ раскаленную баню и добываетъ Царевну. Баба посылаетъ за ними войско въ погоню, Широкій его пожираетъ, а Мёрдоусъ побиваетъ морозомъ. Такимъ образомъ въ этой сказкѣ соотвѣтствующее Ивану Царевичу, которому служить Морозъ, есть само Морозъ. Сравненіе разсматриваемаго мотива съ Индійскими и Германскими мифами вполне убѣждаетъ въ тождествѣ Ивана Царевича съ Объѣдаломъ и другими подобными богатырями, и всѣхъ ихъ съ громовымъ божествомъ. Индра самъ есть Опивало. Онъ выпиваетъ за разъ тридцать рѣкъ; животъ его отъ божественнаго напитка Сомы вздувается подобно морю. Торъ на состязаніи у Утгардалоки (=Водяному Царю) выпиваетъ полъ океана, отъ чего пошли въ морѣ приливы и отливы. О его ожорствѣ есть тоже извѣстія.⁷⁸ Что до Мороза, то, быть можетъ, онъ отождествленъ съ громомъ, какъ Трескунъ. Такимъ образомъ главныя изъ упомянутыхъ богатырей имѣютъ мифическія основа-

⁷⁸ О состязаніи Тора съ товарищами у великана Утгардалоки, и о сказкѣ о Царевичѣ и его слугахъ см. Wolf, Beitr. I, 90 и слѣд., Myth. Germ. 96 и слѣд.

нія въ качествахъ, приписываемыхъ громовому божеству, другіе обязаны своимъ происхожденіемъ смѣшенію различнымъ сказокъ и забвенію ихъ смысла, которое дало возможность умножать *ad libitum* число задачъ и ихъ исполнителей.

Изъ другихъ задачъ нѣкоторыя связываютъ нашу сказку со сказками о Голикѣ, о пасеннѣ бабиной кобылы, объ освобожденіи бабиной дочери. Встрѣчаемая въ большой части варіантовъ задача узнать свою невѣсту; въ вар. Т. имѣетъ такой видъ: Царь-некрещенный лобъ оборачиваетъ трехъ своихъ дочерей сначала кобылицами, потомъ голубками, наконецъ дѣвицами, и каждый разъ Иванъ Царевичъ узнаетъ свою суженую. Этѣ оборачиванья соотвѣтствуютъ тремъ видамъ, въ которыхъ являются бабины дочери, и убѣждаютъ въ тождествѣ этѣхъ послѣднихъ съ дочерьми Водянаго Царя. Обѣзживание неѣзжалаго жеребца есть, какъ упомянуто, искаженіе задачи въ У. обѣздить змѣеву дочь, кобылицу, соотвѣтствующей пасеннѣ бабиной кобылы. Что касается до этой послѣдней задачи, то, какъ скрываются три раза бабины кобылы, оборачиваясь то рыбой, то птицей, то звѣремъ, такъ въ И. и др. сказкахъ того же разряда, скрывается отъ богатыря Царевна, оборачиваясь то тѣмъ, то сѣмъ, и богатырь находитъ ее при помощи своихъ товарищей, Быстроокаго, Длиннаго и проч. Животныя, помогающія богатырю въ сказкѣ о пасеннѣ бабининыхъ кобылъ и въ сказкѣ о Голикѣ, являются и здѣсь, съ тою разницею, что здѣсь они исполняютъ приказанія невѣсты богатыря: они ея работники. Мыши смолачиваютъ 300 скиръ пшеницы, не ломая, сноповъ не разбивая; пчолы строятъ церковь изъ чистаго воску. Въ Нѣмецкой сказкѣ Ш. ихъ замѣняютъ эльбы (*Erdmännchen*). Мифическій смыслъ этого всего недовольно ясенъ. Нѣкоторыя задачи, на пр., вырубить лѣсъ стекляннымъ топоромъ, вычистить прудъ стекляною лопатою, выносить изъ озера воду рѣшетомъ, за ночь землю вспахать, засеять, хлѣбъ вырастить, сжать и проч., каменья смолоть и хлѣба напечь (Ф, Ц, Ш), не смотря на то, что исполняются по приказанію Царевны, могли бы быть приписаны самому богатырю, т. е., громовому божеству, оружіе коего не только, молотъ, или булава, но и топоръ, божеству пашущему, судя по нѣкоторымъ признакамъ—мелющему, божеству пьющему. Въ пользу этого предположенія говоритъ то, что выше, хоть не

этѣ, такъ подобныя, задачи исполнялись богатырями, замѣняющими само божество. Въ такомъ случаѣ помочь Царевны могла развиться изъ очеловѣченія самаго богатыря, въ слѣдствіе котораго у него не хватило силъ исполнить трудныя задачи, а съ другой стороны изъ сочувствія освобождаемой Царевны своему освободителю.

Забвенія богатыремъ Царевны нельзя признать за выраженіе разобщенія въ интересахъ и различія въ самой природѣ между витяземъ-женихомъ, обыкновеннымъ смертнымъ, и его суженою, вѣщею, сверхъестественною женщиною», ⁷⁹ по тому что очеловѣченіе героя есть черта относительно позняя, и что первоначально и натура витязя, какъ его невѣсты, божественна. Скорѣе слѣдуетъ сравнить это забвеніе съ тѣмъ, что въ другихъ сказкахъ богатырь-Перунъ, освободивши Царевну, исчезаетъ на нѣкоторое время, или умираетъ. Въ основаніи лежитъ здѣсь не сознаніе кореннаго различія естественно человѣческаго и божественнаго, а извѣстное явленіе внѣшней природы.

Въ змѣѣ-тучѣ замѣтно два основныя представленія: представленіе покрыванья, скрыванья, которое видно въ Санскр. названіяхъ змѣя Вритра, Бала (то и другое собственно, покрывающій, т. е., небо, или свѣтила или скрывающій, т. е., небесныя воды), въ сближеніи змѣя-тучи съ горою (ср. Berg и bergen, берегъ и беречь), и представленіе питья, впиванья. Остановимся на этомъ послѣднемъ. Трудно рѣшить, имѣютъ ли слова съ предполагаемымъ, или несомнѣннымъ, значеніемъ тучи, какъ дуга, туча (ср. Польск. tęcza, радуга), сморчъ, отношеніе къ змѣю; но, такъ какъ слова со значеніемъ литья, теченья переходятъ къ значенію питья, или на оборотъ, то вѣроятно, что дуга, туча, сморчъ значить собственно: нѣчто вбирающее въ себя, впивающее влагу, ⁸⁰ что согласно съ представленіемъ тучи существомъ враждебнымъ плодородію земли. Представленіе изсушенія есть въ Санскр. Сушна. Подобно тому, какъ Г. Афанасьевъ принялъ огненнаго змѣя за Перуна, существо опло-

⁷⁹ Буслаевъ, Богатыр. эп. Русскій Вѣстн. 1862, Сент.

⁸⁰ О нѣкотор. симв. 93 96.

дотворяющее, и Сушну считали за свѣтлое божество (Адитѣ, солнце); но Кунъ, основываясь на положительныхъ указаніяхъ, думаетъ, Сушна (собств. иссушающій), врагъ Индры, тождественъ съ змѣемъ-тучею, который держитъ небесную влагу въ своемъ замкѣ, или въ пещерѣ, и не даетъ ей изливаться на землю, съ однимъ изъ мрачныхъ, враждебныхъ Асуровъ, змѣемъ Вритроу (иначе Бала, Али), который тоже называется иссушающимъ, Сушатъ.⁸¹ Быть можетъ подобное представленіе впиванья, иссушенья заключено и въ нѣкоторыхъ Славянскихъ названіяхъ змѣя. Польск. smok, Чеш. zmek (zmak, smok), змѣй, основываясь на Польск. smok, смерчь, трава морская, можно сблизить съ смоктать, сосать, къ Серб. смокъ, orsonium, приправка къ пищѣ, какъ сыръ, каймакъ, сало, лой (ср. переходъ отъ значенія литья къ жиру, въ лой отъ ли-ти), такъ что смокъ, змѣй, будетъ собств. значить сосущій. Быть можетъ Чешск. plivník, plevník, plevel, ohnivý drak, о němž domnění, že bohatství přináší (Jungmann), относится къ кор. плу-плю, съ предполагаемымъ значеніемъ лить и пить, Луж. plon, idem, можно по корню сблизить со Слав. плъ-ма, Чеш. plenný, plinný, Слов. plěnný, plemenitý, plemenný, plodný, со mnoho semene dává, plíný oves = bohatý, Польск. plenić, plonić, plennym, czyli plodnym czynić, удобрять, родить; plennу противопоставляется слову plonny, Чеш. planý, бесплодный. Во всѣхъ этѣхъ словахъ основное представленіе можетъ быть лить; впрочемъ, отсюда еще не видно, соединялось ли со словомъ plon значеніе бесплодности, иссушенья, или нѣтъ.

Независимо отъ всякихъ словопроизводствъ, вѣрно, что змѣй представляется и вѣщимъ, чувствующимъ жажду. Въ Маркѣ Бранденбургской люди слышали и видѣли, какъ змѣй, припавши къ своему корыту, громко лакалъ воду.⁸² По Серб. пѣснь:

Змай пролетѣ съ мора на Дунаво,

И подъ криломъ пронесе дѣвойку,

Подъ едніемъ ліепу дѣвойку,

А подъ другимъ рухо дѣвойчко;

Алѣ е змаю жада додіяла,

Исподъ крила испусти дѣвойку,

Пака е посла за гору на воду. (Карадж. Пѣс. I, 163).

⁸¹ Zeitschr. für. vergl. Sprachf.; Wolf, IV; 424.

⁸² Wolf, Beitr. II, 321.

Само собою, змѣй первоначально пьетъ небесную воду. Вода эта представлялась молокомъ небесныхъ коровъ-тучъ, откуда повѣрье, что пожаръ отъ громоваго удара можно погасить только молокомъ, т. е., дождемъ.⁸³ Отсюда повѣрье, что дѣсовой измокъ (т. е., смокъ, противопологаемый, не знаю, основательно ли, домовому смоку, приносящему богатство) морить у хозяевъ скотъ, дѣлаеть нивы ихъ неурожайными, ночью высасываетъ у коровъ молоко»,⁸⁴ т. е., высасывая молоко тучъ, дождь дѣлаеть нивы безплодными, а потомъ, по обыкновенному переходу мысли, сѣеть уже не небесныхъ, а земныхъ коровъ, и тѣмъ причиняеть имъ болѣзнь и смерть.⁸⁵ Быть можетъ сюда же относятся слѣдующіе предразсудки: «musili se mlíko nesti přes vodu, vñodi do neho selka trochu soli, aby kravám ne uškodilo»,⁸⁶ т. е., вода истощаетъ тѣхъ коровъ, молоко коихъ переносить черезъ нее безъ соли, которая и у Нѣмцевъ кладется въ молоко, для предохраненія коровъ отъ вѣдьмъ;⁸⁷ подобныи образомъ вода изсушаетъ и людей: «kdo má řymu (řezmu, насморкъ), kdo trpí na suchotě a úbyti, nemá choditi přes vodu, neboť voda tyto nemoci zmnožuje».⁸⁸

Тучи, воды небесныя, представляются и дѣвицами. О похищеніи этѣхъ дѣвицъ змѣемъ говорятъ вышесприведенныя сказки. Съ теченіемъ времени, какъ небесныя коровы, задаиваемыя змѣемъ, замѣнены земными, такъ и небесныя дѣвицы, похищенныя змѣемъ—земными, къ которымъ онъ летаетъ по ночамъ. Змѣй является прелюбодѣемъ именно въ силу лежащаго въ немъ представленія питья, по тому что пить въ народной символикѣ значить

⁸³ По Чеш. повѣрью именно козьямъ (Houska III, 182); по Малорус. какимъ ни будь.

⁸⁴ Древн. Брун. пред. 23.; Аван. Зоом. Бож. II, 107 — 108.

⁸⁵ Другое представленіе вреда напоминало скоту змѣемъ въ названіи чумы рогатаго скота змѣинымъ пострѣломъ (Далъ, Словарь).

⁸⁶ Houska, III, 179.

⁸⁷ Wolf, Beitr. I, 227.

⁸⁸ Houska III, 54.

любить, и прежде всего плотскою любовью.⁸⁹ Сближеніе питья и любви основано частью на томъ, что какъ жажда, заставляющая пить, есть, по воззрѣнію языка, огонь, такъ и любви, частью на непосредственномъ переходѣ питья и литья къ изливанию сѣмени и оплодотворенію. Свидѣтельства языка объ этомъ послѣднемъ переходѣ несомнѣны. Змѣй, по одинаковому указанію Серб., Малор., Польск. и, кажется, Великоруск. повѣрьевъ,⁹⁰ истощаетъ женщинъ своею любовью, но не оплодотворяетъ, въ чемъ нѣтъ ни какой надобности видѣть влияніе Христіанства, измѣняющаго благотворныя мифическія существа въ зловредныя. По Серб. пѣснѣ Царица Милица, къ которой летаетъ змѣй «е сетна, невесела, у образу блѣда и похмула». То же говоритъ о Царевнѣ и Малорос. сказка про Голика, при чемъ, согласно со сказаннымъ выше, плотская любовь замѣнена сосаньемъ, именно, такъ какъ молоко сближается съ кровью, «сосаньемъ крови изъ груди».

Мы не можемъ удовлетворительно объяснить всѣхъ чертъ змѣя, приносящаго богатство, котораго можно бы скорѣе считать за благотѣльное существо, чѣмъ того, о которомъ была рѣчь до сихъ поръ; однако полагаемъ, что оба змѣя собственно—одно существо. Какъ одинъ, такъ и другой, существа вредныя. Змѣй крадетъ богатство для своего хозяина, какъ Вритра—небесныя воды. Онъ отчасти полезенъ однимъ, но вреденъ большинству. Онъ не только носить добро, но, напротивъ, несетъ цѣлый

⁸⁹ Число примѣровъ, приведенныхъ въ моей статьѣ «О нѣкоторыхъ символахъ» и пр. (12 — 14), можетъ быть значительно умножено.

⁹⁰ Сах. Ск. Р. Н. II, 7, 5.

⁹¹ «Да пустимъ пієтлу крвѣ,» рече дѣтко у шали, кадъ хоте, да се мокри.» Карадж. Посл. 54. Ср. «Пусти баба коню крвѣ, а телету млієка», говоре дѣца, метнувши травку куніце у носъ и тукуті одоздо едномъ пестіцомъ другу, коя травку подъ носомъ држи, и тако чине, докъ не удари крвѣ изъ носа.» (Тамъ же 266). Громовой пожаръ гасится не только молокомъ, но и мочою. По Нѣмец. предрасудку, кто мочится подъ церковью, у того, вмѣсто мочи, будетъ кровь, или молоко (Wolf, Beitr. I, 236). Всѣ этѣ сближенія молока, крови и мочи основаны на томъ, что дождь представляется или молокомъ тучъ, или мочою громоваго божества, или кровью, текущею изъ пораженнаго перуномъ змѣя.

грузъ вшей, чтобъ произвести гдѣ ни будь скотный падежъ.⁹² При томъ онъ сходенъ съ тучею: когда несетъ золото, то летитъ весь огненный, когда серебро—бѣлый, мѣдь—желтый, а набравши ржи, или пшеницы, изъ гумна, вылетаетъ оттуда черною тучею.⁹³ Онъ гремитъ, подобно тому, какъ змѣи, враги громоваго божества, сами мечутъ въ него перуны. «Чую грѣмъ загремѣвъ. Зимю, та грѣмъ загремѣвъ. Дивлюсь, змѣй такъ и розсыпався искрами у Лепурчиному саду».⁹⁴

14. Выше мы видѣли, что змѣй или дивъ замѣняются норкою звѣремъ, бѣлымъ, или желѣзнымъ, волкомъ: волкъ, какъ извѣстно, называется и просто звѣремъ. Такая замѣна имѣетъ столько оснований, что мы считаемъ волка за другую форму миоического змѣя. У Чеховъ, начиная съ Троицы, летаетъ огненный змѣй *plivník*, называемый *vlkou*.⁹⁵ Не думаемъ, чтобы приставка этого слова во многомъ измѣняла значеніе корня *vlk*. По средневѣковому Нѣмецкому повѣрью, десятигодовалый волкъ рождаетъ змѣй (*Nattern*), а мелкія змѣи, по Слав. повѣрью, пошли отъ большихъ миоическихъ змѣевъ; Скандин. Локи произвелъ на свѣтъ волка Фенрира (*Fenris ulfr*), который, при концѣ свѣта, въ сумерки боговъ, проглотитъ руку свѣтлаго бога Тира, и огромнаго змѣя, окружающаго міръ, въ имени коего *Jormen-gandr* вторая половина (*gandr*) значитъ опять таки волкъ.⁹⁶ Какъ змѣй скрываетъ свѣтила, и какъ волкъ, Фенриръ есть врагъ свѣтлаго небеснаго божества, такъ и волкъ, названный въ одной Малорос. загадкѣ темнотою, есть врагъ солнца. По извѣстію, сообщаемому Срезневскимъ, «папороть называется Хорватами *sunec*; говорятъ, что она расцвѣтаетъ, когда солнце побѣдитъ черкаго волка (она цвѣтетъ, какъ извѣстно, въ ночь на Купала), и что нечистые духи хотѣли бы не допустить цвѣтка до расцвѣта, но не могутъ.»⁹⁷ Славянское повѣрье, не упоминая о волкѣ, го-

⁹² Wolf. II, 338—341.

⁹³ Боричевскій 56.

⁹⁴ Основа. 1861, Май. Хуртовина. 71.

⁹⁵ Hanuš, Kalend. 165.

⁹⁶ Grimm, Myth. 1049.

⁹⁷ Объ обож. солнца 45.

ворить о враждѣ нечистой силы вообще съ солнцемъ: «Когда солнце выходитъ изъ своихъ чертоговъ гулять по свѣту, нечистая сила сходится вокругъ нихъ, всюду прячется и выжидаетъ возвращенія солнца, чтобы его захватить и умертвить, но всегда остается безсильною и разбѣгается при одномъ приближеніи солнца.»⁹⁸ Подъ нечистою, т. е., темною, силою можемъ здѣсь разумѣть съ такимъ же правомъ змѣя, какъ и волка: трава, известная подъ именемъ Купало, называется иначе лютякъ, лютикъ, борецъ, преградъ, волкобой, по тому что сила ея прогоняетъ нечистыхъ духовъ, принимающихъ на себя образъ волка.⁹⁹ Какъ змѣй Ала, такъ и волкъ, гонитъ облака, т. е., самъ есть облако и пожираетъ свѣтила, т. е., покрываетъ ихъ мракомъ: «облаки гонештеи отъ селянь вькодлаци нарицаются; егда оубо погыбнетъ лоуна, или сльнице, глаголють: вькодлаци лоуну изѣдоше, или сльнице» (Lexicon paleosl. Изъ перевода Кормчей).

Не видимъ причинъ соглашаться съ тѣми, которые считаютъ Слав. повѣрья, связывающія волкодлака съ упыремъ, за искаженія древнихъ мифовъ. Напротивъ, повѣрья этѣ поясняютъ значеніе мифическихъ образовъ, указывая на ихъ связь. У Сербовъ (у Рисну) Ёдогоня или, съ сохраненіемъ начальной согласной, Вѣдогоня — «човѣкъ, изъ коега у сну изиде духъ (одъ прилике, као изъ вѣштица). Оваки духови по планини изваљую дрвета те се нима бію измедю себе, на прим., Бокески съ Неаполитанскимъ, па кои надвладаю, они родъ одъ лѣтине привуку на свою землю; они и онако ломе горе и валяю велико камене» (откуда послъ: «Якъ као Ёдогоня»). Кадъ умре човѣкъ,

⁹⁸ Тамъ же 44 — 45.

⁹⁹ Аван. Зоом. бож. II, 4. Ср. траву звѣробой (звѣрь=волкъ), съ ярко-желтыми цвѣтами. Впрочемъ, о мифич. свойствахъ этого растенія ничего не извѣстно.

Съ ораньемъ змѣемъ, о которомъ была рѣчь въ первой статьѣ, ср. пословицы, отрицательно говорящія объ ораньи волкомъ: «Вовка въ плугъ, а вонъ къ чорту въ лугъ;—Trudno wilkiem orać; Wilkiem orać — ostatnia; z vlka ne brzo bude orać, a z zemana żák; wêkem vlkem orać ne budeś, an rohóv nemá.» Лит.: «Vilkū ne arsi, nors pobarsi ar pakarsi» (волкомъ орать не будешь, развѣ съ нимъ повздоришь и повѣсишь); «Su vilkū ne arsi, su meszke neekasi» (волкомъ не будешь орать, ни медвѣдемъ бороновать).

за коега се мисли, да е едогоня, ударе му глогово трне подъ нокте и ножемъ прніехъ кора испресіецаю жиле исподъ колѣна, да не би могао излазити изъ гроба, као вампиръ.» (Карадж. Рѣчн. Вѣдогоня). Вѣдогони при жизни привлекають урожай на свою землю, конечно, такимъ же образомъ, какъ змѣи Вильвы въ Волошскомъ повѣрьи и волкодаки въ вышеприведенномъ мѣстѣ Кормчей, т. е., гоняя облака: По смерти вѣдогоня ставовится упыремъ; противъ него принимаются такія же мѣры, какъ противъ упыря. Отсюда выводимъ, что какъ змѣй и волкъ, такъ волкъ и упырь—облачныя существа, нѣкогда совершенно тождественныя между собою. Если Сербск. вукѡдакъ значитъ упырь, и Волошск. у пырь—человѣкъ, превращающійся въ волка, стало быть, волколакъ, то здѣсь не смѣшеніе первоначально различныхъ мифовъ а признаніе тождества сродныхъ. Утверждать противное, опираясь на томъ, что волколакъ есть оборотень, а упырь будто бы чисто человѣкообразное существо, было бы столь же невѣрно, какъ считать того змѣя, который, прилетѣвши къ женщинѣ, оборачивается молодцомъ несказанной красоты, не за одно лицо съ тѣмъ, который, оставаясь змѣемъ, сосетъ кровь изъ груди. Та разница между вѣдогонею и упыремъ, что первымъ бываетъ душа во время сна, подобія смерти, а вторымъ по смерти—несущественна, по тому что, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, всѣ признаки упыря можетъ имѣть человѣкъ и при жизни. Но существенно то, что вѣдогоня есть именно душа. Мы видимъ здѣсь отождествленіе души злаго человѣка съ змѣемъ и волкомъ, образами враждебныхъ явленій природы, подобное отождествленію животныхъ образовъ душъ, живущихъ у Гольды-Яги съ самою Гольдою или Ягою. Съ одной стороны образы волка и змѣя, подобно всѣмъ животнымъ образамъ, стремились къ очеловѣченію, съ другой душа человѣческая сама приняла упомянутые образы: отсюда упырь есть человѣкъ-оборотень (то есть, сказанія о немъ сохраняють память его прежнихъ формъ), или мертвый человѣкъ (душа) со всѣми признаками враждебнаго жизни явленія природы.

Руск. упирь (и упырь, гдѣ ъ объяснить трудно), Полск. upir (чаще upior, гдѣ io изъ ie), Сербск. упирина; genius aëreus (стало быть, едогоня), вампиръ (гдѣ вамъ удовлетворительно объясняется старинною формою предлога у, Чешскимъ au,

въ Польской wadoł, wawoz, wator), можно отнести къ корню пи такъ что упиръ, существо пьющее, упивающееся. Изъ этого основнаго представленія вытекаютъ всѣ тѣ значенія, какія мы видѣли въ змѣѣ, разумѣется, съ нѣкоторыми особенностями.

О томъ, что упиръ наводитъ голодъ (т. е., неурожаи отъ недостатка дождей), можно заключить изъ слѣдующаго. У Сербовъ «у вріеме глади често га (вукодлака) привидяю око воденица, око амбара житніехъ и око чардака и кошева кукурузіехъ» (Рѣчи. Вукодл.), гдѣ онъ поѣдаетъ, вѣроятно, хлѣбъ, и тѣмъ причиняетъ голодъ. Въ Червонной Руси рассказываютъ слѣдующее: Въ одномъ селѣ былъ моръ, и народъ въ страхъ разбрелся по лѣсамъ. Одинъ хозяинъ остался еще дома, чтобъ запечь хлѣба. Ночью, когда онъ началъ вынимать хлѣбъ изъ печи, открылись двери, вошелъ огромный пестрый хортъ и огненными глазами сталъ смотрѣть на хлѣбъ. Хозяинъ разломилъ и бросилъ ему сначала одинъ хлѣбъ, потомъ другой. Хортъ проглотилъ и вышелъ. Вскорѣ послѣ того прекратился моръ и народъ воротился изъ лѣсовъ. Черезъ сколько-то времени случилось тому же хозяину быть въ одномъ дальнемъ городѣ и встрѣтить тамъ какъ будто видѣннаго когда-то человѣка. Этотъ человѣкъ, богатый мѣщанинъ, пригласилъ его къ себѣ и за чаркою рассказалъ слѣдующее: «Помнишь, какъ во время мору ты пекъ хлѣбъ? Я былъ тотъ хортъ, и счастье твое, что ты мнѣ далъ хлѣба. Я былъ очень голоденъ, и если бъ посмотрѣлъ на тебя, пропалъ бы ты со всею семьею.»⁴⁰⁰ Связь мора съ голодомъ здѣсь очевидна: моръ прекращается, когда хортъ (волколакъ; волкъ и въ другихъ случаяхъ замѣняется собакою, на пр.: онъ зовется въ Малороссіи Юровою собакою) насытилъ свой голодъ хлѣбомъ; во время мора онъ насыщалъ себя, конечно, людьми.

Волколаки сосутъ скотъ. Извѣстно, что Св. Власій, конечно, по сходству своего имени съ Волосомъ, скотнымъ богомъ, считается покровителемъ скота и лошадей. Въ день этого Святаго (11-го Февраля) хозяева окропляютъ Крещенскою водою рогатый скотъ, овецъ, лошадей и даже курей, ставятъ по угламъ хлѣбовъ прутики освященной вербы, курятъ ладономъ,

⁴⁰⁰ Wahylew., O upir. a widm. 244.

думая изгнать нечистую силу и предохранить скотъ отъ падежа... Точно такой обычай и въ Малороссіи. Тамъ думаютъ, что въ это время вуколаки (вѣроятно, ошибка, вм. вовкулаки), обращающіеся въ собакъ (какъ выше) и черныхъ кошекъ, сосутъ молоко у коровъ, кобылъ, овецъ, наводятъ падежъ на рогатый скотъ и душатъ лошадей.⁴⁰¹ У Волоховъ есть приколичъ (женск.), родъ упыря, съ той разницею, что это живой человѣкъ, какъ вовкулакъ, который по ночамъ собакою рыщетъ по пастбищамъ и селамъ, однимъ прикосновеніемъ умерщвляетъ лошадей, рогатый скотъ, овецъ, свиней, пьетъ ихъ кровь (*deren Lebenssäfte an sich zieht*, выраженіе, очень неопредѣленное), по чему онъ всегда здоровъ и свѣжъ на видъ (извѣстная примѣта и упыря во гробу). Примѣта такого человѣка — собачій хвостъ, которымъ заканчивается позвоночный столбъ.⁴⁰² Такимъ образомъ въ немъ два остатка прежняго животнаго образа: оборачиванье собакою и хвостъ, какъ у вѣдьмы и Сканд. Гульдры. Извѣстій о томъ, что люди, которые оборачиваются волками, рѣжутъ скотъ, какъ простые волки, такъ много, что мы ихъ выписывать не будемъ.⁴⁰³ Питье молока связывается съ рѣзаньемъ скота въ слѣдующемъ Хорватскомъ разсказѣ: Одинъ человѣкъ былъ волчьимъ пастыремъ (*vučji pastir*), старшимъ надъ семью волками. Такіе оборотни или только по временамъ оборачиваются волками, или постоянно до поры въ волчьей шкурѣ. Пошелъ онъ по селамъ просить молока (эти пастыри очень любятъ молоко). Одна женщина не дала ему молока, да еще выругала, за что онъ послалъ своихъ волковъ на ея скотъ.⁴⁰⁴

Упырь пьетъ, высасываетъ кровь изъ людей. Такимъ упыремъ становится человѣкъ обыкновенно по смерти. Является упырь въ человѣческомъ образѣ; но что ему приписывались превращенія, о томъ говоритъ извѣстное мѣсто изъ Іоанна Екзарха

⁴⁰¹ Терещ. Б. Р. Н. VI, 38.

⁴⁰² Schott, Wal Märch. 298.

⁴⁰³ У Нѣмцевъ ср. Grimm, Myth. 1049.

⁴⁰⁴ Valjavec. 94; ср. тамъ же 92.

Болгарскаго: «тѣло свое хранитъ мертво, и летаетъ орломъ, ястребомъ, и ворономъ, и дятлемъ, рыщутъ лютымъ звѣремъ и вепремъ дикимъ, волкомъ, летаютъ змѣемъ, рыщутъ рысію и медвѣдемъ». Изъ современныхъ извѣстій замѣтимъ: у Сербовъ «Вукодлакъ се зове човѣкъ, у кога послѣ смрти 40 дана уде некакавъ дяволски духъ и оживи га (човѣкъ повампири се). Потомъ вукодлакъ излази нотю изъ гроба и дави люде по кутяма и піе крвѣ нѣхову... Како почну люди много умирати по селу, онда почну говорити, да е вукодлакъ у гроблю а гдѣ кои почну казивати, да су га гдѣ нотю видѣли съ покровомъ (саваномъ) на рамену... Кажу, да таковога вукодлака надю у гробу, а онъ се угоіо, надуо и поцрвенѣо одъ людске крви... Онъ се може провуті и крозь найманю рупицу, за то не помаже одъ не-га врата затворати, као ни одъ вѣштица» (Рѣчн. Вукодлакъ). Такая способность проходить сквозъ самыя тѣсныя щели происходитъ отъ того, что волкодлакъ есть душа. У Болгаръ вампиръ сосетъ кровь изъ ушей младенцевъ и взрослыхъ. Подобно этому у Поляковъ волкъ—дѣтское пугало: «wilk się zje;» «wilkolak dzieci nabawia trwogi» (Linde). Караджичъ говоритъ: «Кадъ се каквой жени не даду дѣца, онда надѣне дѣтету име Вукъ, ерѣ мисле, да имъ дѣцу вѣштице ѣду, а на вука не те смѣти уда-рити. За то су имени овако име надѣли» (Рѣчн. Вукъ). «Чуй, пуче (плѣкъ = Volk) и народе! роди вучица вука свему свѣту на знане, а дѣтету на здравле», повиче бабица, пошто одреже пу-пакъ мушкоме дѣтету онога чоека, коме су дѣца пріе мрла» (Посл. 350). Выше мы видѣли, что не только вѣштица, но и волкъ моритъ дѣтей, изъ чего слѣдуетъ, что здѣсь можетъ быть такой смыслъ: «чтобъ волкъ не съѣлъ дитяти, назвали дитя волкомъ, по по-словицѣ, что и «воронъ ворону ока не выклюетъ.» У Болгаръ, какъ скоро услышатъ о вампирѣ, то по нѣскольку семействъ собираются на ночлегъ въ одну комнату, и двое изъ мужчинъ съ горящими лучинами поочередно стоятъ до свѣта на сторожѣ. Если кто изъ спящихъ начнетъ сильно храпѣть, или стонать во снѣ, то не спавшій тотчасъ будитъ всѣхъ, и тогда начинаютъ искать вампира (который давилъ невидимкой, какъ мара-душа). Если вампиръ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ не будетъ пойманъ, то онъ уже принимаетъ на себя какую-то плоть и называется варко-лакомъ, и тогда нападаетъ на женщинъ... Вампиръ (если его

не найдутъ), послѣ года принимаетъ на себя тѣло человѣческое, такъ что трудно различить его отъ человѣка.»¹⁰⁵ По Маророссійскому повѣрью «уцѣра ище за житя можно пѣзнати: вѣнъ буває дуже червоний на лицѣ, нѣбы увесь изъ крови. По смерті, якъ и поховають, вѣнъ у пѣвночи устає изъ могили, та й ходить по пѣдѣ вѣкна. Якъ у якѣмъ вѣкнѣ не замнуче, якійсь вогонь (?), вѣнъ йде до того вѣкна та й дує. Хто є у хатѣ, заразъ вѣдъ того духу чихає. Якъ нихто не скаже: «Здоровь!» вѣнъ заразъ выпиває кровь. Якъ же скаже хто: «Здоровь!» вѣнъ заразъ утекає.»¹⁰⁶ «Словинцы и Кашубы подъ именемъ вѣщаго разумѣють упыря. Последнее слово имъ не извѣстно. «Если ребенокъ родится въ сорочкѣ, или, какъ выражаются Кашубы, въ шапкѣ (карка, szarka), то онъ будетъ wieszczci. Для предупрежденія чародѣйственной силы, нужно сжечь эту шапку и дать младенцу проглотить пепелъ. При жизни вѣщій и вѣщая, по однимъ, ни чѣмъ не отличаются отъ другихъ людей, по другимъ, имѣютъ свойства чародѣевъ и вѣдьмъ. По смерти вѣщій въ гробу сохраняетъ румянецъ, начинаетъ грызть себѣ руки и тѣло. Покуда онъ грызетъ, одинъ за другимъ болятъ и умираютъ его родственники.» Такое предпочтеніе своихъ родныхъ, приписываемое у Сербовъ вѣщитцѣ, поѣдающей людей, можетъ быть объяснено вѣрованіемъ, что душа (волкодлакъ, упырь, вѣщій), и по отдѣленіи отъ тѣла, сохраняетъ связь со своимъ родомъ. Въ настоящемъ случаѣ связь эта вредна; въ другихъ, если душа не сливается съ темными силами природы и враждебными ихъ олицетвореніями, связь можетъ быть благотворна. О другихъ указаніяхъ на упомянутую солидарность живыхъ и мертвыхъ здѣсь говорить не будемъ. «Когда вѣщій изгрызъ себя всего, гдѣ только можетъ достать зубами, то онъ встаетъ изъ гроба ночью, взбирается на колокольную и звонить. Кто только во всемъ околѣтѣ услышитъ этотъ звонъ, тотъ долженъ умереть. Чтобы уничтожить смертоносную силу, слѣдуетъ откопать гробъ и перерубить вѣщему горло лопатой.»¹⁰⁷ По поводу слова вѣщій и

¹⁰⁵ Княжескій, Болг. повѣрья 206—207.

¹⁰⁶ Шейковский, Бытъ Подолянъ II, 17. Ср. у Галичанъ Wajyl. О up. a widm. 249, у Чеховъ ib. 257 и др.

¹⁰⁷ Гильфердингъ, Остатки Славянъ, 71. Этно. сб. I. Тоже у Гетте 341, 308.

повѣрья о значеніи сорочки, Гильфердитъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе. «У насъ рѣдится въ сорочкѣ—признакъ особеннаго счастья. Кашубы родившемуся въ сорочкѣ придаютъ названіе вѣщаго. Это свидѣтельствуетъ о совершившемся въ народной фантазіи сліяніи двухъ миѳическихъ понятій, по существу своему совершенно разнородныхъ. Имя вѣщаго, по коренному значенію, не могло имѣть ничего общаго со смертоноснымъ упыремъ. Родившійся въ сорочкѣ былъ вѣщимъ, въ дѣйствительномъ значеніи этого слова, т. е., одаренъ былъ сверхъестественною мудростью, и по тому самому особеннымъ счастьемъ; но мало по малу выступаетъ все болѣе и болѣе другая сторона вѣщаго, его сверхъестественная сила, и эту силу было болѣе поводовъ представить себѣ направленною на злое, нежели на доброе. Вѣщій становится злымъ чародѣемъ. Такъ и у Сербовъ, гдѣ вѣщица значить колдунья, вѣдьма (въ дурномъ смыслѣ этого слова, поѣдающая людей). Остается теперь только, такъ сказать, специализировать понятіе о злобномъ вѣщемъ, придать его злобѣ извѣстный характеръ. Это сдѣлали Кашубы, приписавъ ему свойства, специально принадлежавшія у Славянъ упырю, и отождествивъ этѣ два образа такъ, что самое имя упырь стало у нихъ лишнимъ. Когда совершился такимъ образомъ этотъ переходъ понятій, то и символъ счастья, сорочка, стала признакомъ злой силы, съ которою рождается вѣщій ребенокъ, и, вмѣсто того, чтобы беречь ее, какъ у насъ, сдѣлалось нужнымъ ее сжигать, чтобы предупредить дѣйствіе злого начала.»¹⁰⁸ Со всѣмъ этѣмъ мы согласны, и прибавимъ только, что возможность сліянія вѣщаго и упыря—именно въ томъ, что въ вѣщемъ — вѣща душа, а упырь и самъ есть не что иное, какъ представленіе души тождественною съ извѣстнымъ враждебнымъ явленіемъ природы. У Волоховъ, кромѣ упомянутаго выше приколича, есть еще два подобныя существа, т. е., первоначально два имени одного и того же, Strigoï и Mupoгу. Первое—это употребительное у Хорватовъ и Хорутанъ, но Славянское только по окончанію, названіе упыря Strigon (иначе vedages, человекъ, по смерти поѣдающій людей, наводя-

¹⁰⁸ Гильф. тамъ же.

щій моръ, совокупляющійся съ женщинами;⁴⁰⁹ второе сходно съ Мара, Мора, Мура. Присутствующіе при рожденіи ребенка бросаютъ за себя камень, говоря: «Это въ пасти Стригоевъ,» что напоминаетъ Шотту Сатурна, которому дали проглотить камень, вѣсто Юпитера ребенка, и свидѣтельствуешь о томъ, что Стригой поѣдаетъ особенно дѣтей. Мурони или вампиръ есть незаконнорожденный сынъ незаконнорожденныхъ отца и матери (такъ что упырьство — наказаніе за прежнюю жизнь), или духъ умерщвленнаго вампиромъ. Днемъ онъ лежитъ въ гробу, ночью летаетъ высасывать кровь изъ живыхъ. Вампиръ (Мурони) можетъ оборачиваться собакою, кошкою, жабою, лягушкою, вошью, блохою, клопомъ, паукомъ. У убитаго имъ не всегда есть на шеѣ знакъ укушенія.

Волколакъ—вампиръ сообщается съ женщинами. Въ Mat. Verb. Вацерада *vilkodlaci*, *vlikodlaci* дважды переведено черезъ *incubi*. Замѣтимъ, что и змѣй, посѣщающій женщинъ, есть *incubus*: Польское *latavies*, *czart nosny*, *incubus* (Linde). И здѣсь мы видимъ не ошибочное смѣшеніе образовъ волколака, змѣя и Мары, которая давить человѣка по ночамъ и есть, безъ сомнѣнія, душа, а сознаніе ихъ первоначальнаго единства. У Сербовъ «вуколакъ долази кашто и своѣй жени, а особито, ако му е лѣпа и млада, те спава съ нѣме, и кажу, да оно діеге нема костію, кое се роди съ вуколакомъ» (Рѣчн. Вуколакъ). У Болгаръ, «если какая либо женщина останется беременною отъ варколака, то дитя непременно должно родиться безъ хряща въ носу. О такихъ говорятъ, что они ночью видятъ все невидимое и могутъ узнавать вампира; ихъ называютъ вампирджи (Турецкое окончаніе), т. е., ловящій вампировъ.»⁴¹⁰ По другому извѣстію, у самаго вампира, когда онъ принимаетъ на себя тѣло человѣческое, т. е., становится варколакомъ, женится, какъ другіе люди и рождаетъ дѣтей (т. е., здѣсь рѣчь о настоящемъ воплощеніи души злого человѣка), нѣтъ хряща, раздѣляющаго поздри.⁴¹¹ Въ Червонной Руси рассказываютъ, что одинъ мужъ по

⁴⁰⁹ Valvasor, Ehre des Herzogth. Krain II, 335.

⁴¹⁰ Княжескій, Болг. пов. 206.

⁴¹¹ Тамъ же 208.

смерти ходилъ по ночамъ къ своей женѣ, имѣлъ съ нею нѣсколь-
ко дѣтей безъ костей. Вдова все слабѣла, желтѣла и сохла. Ни-
кто не умѣлъ ей помочь, пока не вызвалась одна знахорка, ро-
домъ Волошка. Эта баба приказала къ приходу упыря ярко освѣ-
тить избу и, когда онъ прійдетъ, будить дѣтей и звать ихъ на
свадьбу. На вопросъ мертвеца: «Чья это будетъ свадьба?» вдова
отвѣчала, что одинъ братъ женится на своей сестрѣ. Упирь, по-
молчавши, сказалъ съ удивленіемъ: «Столько лѣтъ я жилъ на
этомъ свѣтѣ и такъ давно уже на томъ, а еще не слыхалъ о та-
кой свадьбѣ.»—«Еще страннѣе, отвѣчала вдова, что мертвый ходитъ
къ живой женѣ.» Послѣ этого мертвецъ ушелъ, хлопнувши дверь-
ми, и больше уже не приходилъ.¹¹² Подобное средство, по Мало-
россійскимъ и Нѣмецкимъ повѣрьямъ, употребляется для того,
чтобъ заставить заговорить (упирь тоже молчитъ), или засмѣять-
ся и, такимъ образомъ, сбить съ рукъ ребенка обмѣна, оборот-
ня. Мать приставляетъ къ огню воду въ яичной скорлупѣ. «Что
это будетъ?» спрашиваетъ обмѣнъ. «Будемъ пиво ворить.»—«Я стар-
ше лѣсу, говоритъ обмѣнъ, и такого дѣла не видалъ.»¹¹³ Сходство
это основано на томъ, что какъ обмѣнишь, такъ и упирь—душа.

15. Не отвергая того, что народъ видитъ и добрую сторону
въ знахарѣ и знахаркѣ, мы отдѣляемъ этотъ фактъ отъ цѣлаго
ряда другихъ, изъ коихъ мы выводимъ совершенно противопо-
ложныя заключенія: вѣдьма, вѣштица есть существо, соотвѣт-
ствующее змѣю, волку, упырю, враждебное свѣтлымъ богамъ и
человѣку; этотъ характеръ вѣдьмы ни коимъ образомъ не могъ
быть слѣдствіемъ вліянія Христіанства, измѣняющаго благовор-
ныя миоическія существа въ зловредныя. Такое измѣненіе въ
настоящемъ случаѣ не возможно, по тому что существо со всѣми
признаками вѣдьмы, какъ враждебнаго образа, было, если не по
положительнымъ извѣстіямъ, то по всѣмъ вѣроятнымъ заклю-
ченіямъ, уже до Христіанства. Позднѣе, но не извѣстно, въ силу ли
Христіанскаго вліянія, унизившаго языческую мудрость, вѣдьма-
вѣштица названа этѣмъ именемъ, подобно тому, какъ упирь на-
званъ вѣщимъ. Вѣдьма, по первоначальному значенію, есть суще-

¹¹² Wahyl. O upir. a vidm. 246.

¹¹³ З. о Ю. Р. II; Mannh., Germ. Myth. 302—303.

ство не человѣческое, а демонское. Сказанія о ней указываютъ на основаніе ея тождества съ извѣстными явленіями природы и суть развитіе тѣхъ же представленій скрыванья и питья, которыя мы видѣли въ змѣѣ и волкѣ-упырѣ.

Какъ змѣѣ Суинна засушаетъ землю, скрадывая дожди, такъ засуха объясняется тѣмъ, что вѣдьма «краде хмары изъ неба та ховае дощи та росы у себе намиснику, або на полицѣ». ⁴⁴⁴ Она скрываетъ дождь въ сосудахъ, такъ что открыть сосудъ, или вылить заключенную въ немъ влагу, значить произвести дождь; по Нѣмецкимъ повѣрьямъ вѣдьмы и колдуны насылаютъ противной дождь, бурю и градъ изъ бочки, или горшка. Выше мы видѣли, что бочкаи вообще сосудъ—образъ тучи и представляющихъ ее существъ, змѣя ⁴⁴⁵ и Гольды. Вѣдьма тоже находится во внутренней связи съ тѣмъ сосудомъ, въ который скрадывается, или изъ котораго насылаетъ, дождь, она сама есть этотъ сосудъ. По Скандинавскому повѣрью, вѣдьмы рѣдко бываютъ сами въ церкви, но мѣсто ихъ занимаетъ тамъ кулъ соломы, или свиное корыто, что, впрочемъ, замѣтитъ только тотъ, кто самъ бываетъ на шабашѣ. Великанши и другія миоическія существа, сродныя съ вѣдьмами, ⁴⁴⁶ носятъ на спинѣ корыто. У Альба спина, какъ дежа (mit dem Rücken, wie ein Teigtrog); альпъ и вѣдьмы, какъ и Гольда, хороши только спереди, а сзади безобразны, ⁴⁴⁷ и это безобразіе въ томъ, что у нихъ, вмѣсто спины, дыра, отверстіе, какъ въ корытѣ. Такъ, по Маророссійскому разсказу чортъ—«панъ такой убранный, що ажъ сѣе, а ззаду кишки висять»; ⁴⁴⁸ у Уральскихъ Казаковъ о чортѣ говорится прямо, что у него спина корытомъ. ⁴⁴⁹ Чортъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, замѣняетъ здѣсь враждебное водяное существо. Эта черта предпола-

⁴⁴⁴ Квѣтка, Соч., изд. Кулшнемъ II, 101.

⁴⁴⁵ «Змѣѣ—величиною съ котелъ; въ него можно сѣсть и полетѣть, куда угодно. Онъ летаетъ птицею и носитъ клады, а дома у хозяина теленкомъ лежить въ бочкѣ.» Kuhn und Schw. Nord. Sag. 421.

⁴⁴⁶ Grimm, Myth. 993.

⁴⁴⁷ Ib. 1032.

⁴⁴⁸ З. о Ю. Р. II, 47.

⁴⁴⁹ Подобное Нѣмецкое повѣрье о чортѣ см. въ Maunh. Mith. 259.

гаетъ непосредственное сближеніе и отождествленіе вѣдмы съ тучею, что можно вывести изъ слѣдующаго. У Нѣмцевъ вѣдмы собираются у источниковъ и озеръ, быють прутьями воду до тѣхъ поръ, пока не подымется изъ нея туманъ и не сгустится въ черныя тучи; на этѣхъ тучахъ вѣдмы поднимаются на воздухъ и направляютъ ихъ къ тѣмъ мѣстамъ, которымъ хотять повредить. Разъ, въ сильную бурю, охотникъ, зарядивши ружье свяченою пулею, выстрѣлилъ въ самую темную тучу. Изъ тучи упала мертвая нагая женщина, и буря мгновенно прекратилась.¹²⁰ Вѣдма относится здѣсь къ облаку, на которомъ ѣздитъ, какъ змѣй Вильва и Вѣдогоня, по тѣмъ облакамъ, которыя гоняетъ, и какъ Яга къ своей ступѣ, то есть, она то же, что туча. Туча, скрадывающая хлѣба, побитые градомъ, представлялась у Германцевъ кораблемъ.¹²¹ Быть можетъ, на представленіи вѣдмы существомъ плавающимъ по небу на тучѣ-кораблѣ, основано повѣрье, что когда плавать женщинъ во время засухи, то настоящая вѣдма ни за что не потонетъ, какую бы тяжесть на нее ни нацѣпить.¹²² Плаванье по небеснымъ водамъ замѣнено плаваньемъ по земнымъ. У Сербовъ «гдѣкой мрве яине люске, да се не би вѣштице у нима могле возити преко вода.»¹²³ Кажется, есть Малороссійское повѣрье, что въ личныхъ скорлупахъ плавають Мавки. По Нѣмецкимъ псѣврьямъ, Der Alp, die Mär, переправляется черезъ рѣку въ челнокъ, или раковинѣ, вѣдма (die Hexe) въ личной скорлупѣ плыветъ въ «Engelland»¹²⁴ въ царство душъ, въ страну вѣчнаго свѣта, вырей. Во всѣхъ этѣхъ случаяхъ вѣштица, ма-ра, мавка, альпъ, вѣдма, есть душа, и ея плаванье есть плаванье по воздушной водѣ.

Туча посылаетъ дождь, а заря и вообще звѣзды — росу, о чемъ мы упомянули, говоря о вилахъ. Вѣдмы скрадывають не только дождь и тучи, но, по Галицкому и Малороссійскому по-

¹²⁰ Grimm, Myth. 1026, 1040 — 1042.

¹²¹ Ib. 684.

¹²² Соч. Квѣтки, II, 100; З. о Ю. Р. II, 37; Wabyl. О up. a wid. 232. Въ подгорьи, въ Галиціи, топили вѣдмъ еще въ 1827.

¹²³ Рѣчн. Вѣштица.

¹²⁴ Mannh., Germ. Myth. 346, 418.

вѣрю, онѣ крадутъ и зорю, отъ которой происходитъ роса,¹²⁵ и тѣмъ причиняють засуху. Какъ тучи представляются коровами, такъ звѣзды овцами, а дождь и роса—ихъ молокомъ. Вѣдьмы, скрадывая дожди и росы, тѣмъ самымъ задаиваютъ эгѣхъ небесныхъ коровъ и овецъ. Болгаре вѣрятъ, что «магесницы (вѣдьмы) могутъ снимать съ неба мѣсяцъ; по этому, во время луннаго затмѣнія, думаютъ, что луна снята на землю. Тогда начинаютъ стрѣлять изъ пистолетовъ и ружей, чтобъ помѣшать магесницѣ доить луну; ибо есть повѣрье, что снятая луна превращается въ корову, которую магесница доить и изъ молока дѣлаетъ масло для неизлѣчимыхъ ранъ и другихъ потребностей.»¹²⁶ Это извѣстiе, очень странное въ томъ отношенiи, что мѣсяцъ существо мужское, по всѣмъ лучшимъ Славянскимъ и Германскимъ даннымъ, превращается въ корову, замѣчательно тѣмъ, что доенiе небесной коровы связано въ немъ съ затмѣнiемъ, которое иначе представляется пожираньемъ свѣтилъ и точно есть дѣло, между прочимъ, и вѣдьмъ. Скандинавская колдунья El (procella) называется *sôlar böi* (*solis perniciēs*), вѣроятно, какъ туча погращающая, или, подобно волку, пожирающая солнце, что можно заключать изъ имени *hvelsvelg himins* (*coeli rotam glutiens*).¹²⁷

Съ теченiемъ времени вѣдьма стала земнымъ и вполне чело-вѣкообразнымъ существомъ, а ея враждебныя отношенiя къ небесному скоту перенесено на земной. У Чеховъ говорятъ: «*čarodějné baby chodí před slunce východem do trávy v paskách stírat rosu do loktuší* (Lakentuch, плахта, рядно), а tím nabudou moci, že mohou z nich vydojití mléko těch kráv, jenž na onych paskách se pásly»; повѣсивши¹²⁸ эту ткань, напитанную росой, выдаиваютъ росу съ четырехъ концовъ, и тѣмъ самымъ задаиваютъ чужихъ коровъ. Въ другихъ мѣстахъ собранную и выжатую такимъ образомъ росу даютъ своимъ коровамъ и козамъ, и въ такомъ случаѣ, доя свою корову, тѣмъ самымъ выдаиваютъ

¹²⁵ Vahyl. О up. a widm. 252.

¹²⁶ Княжескiй, Болг. повѣрья 208.

¹²⁷ Grimm Myth. 1043. О враждѣ солнца и Стриги-вѣдьмы см. Срезн. Объ обож. солнца 43.

¹²⁸ Houska III, 50.

сосѣдскихъ. Затемнѣніемъ міа объясняется перенесеніе доенья скота и кобылъ на всякую живую тварь (собакъ, кошекъ, жабъ, ящерицъ, гадюкъ)⁴²⁹ и на разные неодушевленные предметы съ отдаленною связью съ скотомъ, молокомъ, росой. Такъ, на примѣръ, доятъ соху (соха—рогатая, вилообразная, и по тому корова): втыкаютъ ножъ въ соху, и молоко течетъ по острию ножа, при чемъ ножъ вовсе не есть жертвенное орудіе, по тому что доенье не есть жертва. Къ тому же вѣдьма можетъ обходиться и безъ ножа: вынимаетъ изъ сохи въ клунѣ колокъ, и молоко льется, какъ изъ бочки.⁴³⁰ Изъ вышесказаннаго видно, что какъ первоначальное доенье небесныхъ, такъ позднѣйшее доенье земныхъ, коровъ мы считаемъ не за пластическое изображеніе силы языческихъ моленій, а за дѣйствіе пагубное для коровъ и всего, что съ ними связано. Вѣдьмы изсушаютъ скотъ, какъ змѣй и упырь женщинъ. Доенье вѣдьмъ есть грѣхъ въ языческомъ смыслѣ, какъ является оно грѣхомъ съ Христіанской точки въ Стихѣ о грѣшныхъ душахъ:

Четвертая душа согрѣшила—

Въ чистомъ полѣ корову закликала,

У коровки молочко отымала,

Въ сырую землю выливала,

Горькую осину забивала,

Горькую осину засушивала,

т. е., выливши на землю молоко, забивала въ то мѣсто осиновою колъ, чтобы, какъ засохнетъ осина, такъ бы высохли у коровы сосцы.⁴³¹ Мы думаемъ, что исходная форма доенья коровъ-тучъ

⁴²⁹ Квѣтка II, 88.

⁴³⁰ Rulikowski, Opis. Pow. Wasylkowsk. 164.

⁴³¹ Аван. о Вѣдунѣ и Вѣдьмѣ 129, 143, 149. «Вызовъ боговъ заповѣднымъ словомъ»—самъ по себѣ, а доенье коровъ и скрадыванье свѣтилъ молока и само по себѣ. Въ словахъ заговора: «Мѣсяцъ ты красный, сойди въ мою клѣть; солнышко ты привольное, взойди на мой дворъ; звѣзды вы ясныя, сойдите въ чашу брачную!» мы видимъ только приглашеніе боговъ посѣтить людскія жилища, приглашеніе, не имѣющее ничего общаго со смертію, или опасностью, боговъ. Напротивъ, въ словахъ: «Verbis et carmine Teque, Luna, traho, quamvis Temesaea labores Aeratuos minuant. Currus quoque carmine nostro pallet avi, pallet nostris Aurora venenis» (Ov. Met. VII), чары-заклинанія замѣняютъ враждебныя для свѣтлыхъ боговъ дѣйствія чудовищъ: скрадыванье и пожирание свѣтилъ.

была высасыванье, или, впиванье ихъ молока вѣдьмою. На это наводитъ слѣдующее средство противъ порчи коровъ вѣдьмами: «Když večer podojš a mléko uložíš, jdi a vezmi džku a obrat'jí dnem na horu, podoj tvé krávy třikráte křížem, třeba jediná jen kapka vystříkla z každého cecku. To mléko posyříž na tom dně a přikryj to talířem a nech to na stole, a dej do toho devět špendlíků (булавокъ), tři kousky skla nepotřebovaného, co sklenář odřeže, a devět zrněk pepře, na prach seřazených. Pak udělej kolíček z hlohového dřeva, jdi kde je strom jeřabový, a vyvrtej do něho díru, do kteréž tu snušeninu vstrč, a tím kolíkem zaraž. Která čarodějka od tvých kráv mléko vzala a svým ho dala, ta pocíti ve svém životě ukrutné bolesti a ty bude trpěti, dokud to bude ve stromě zaraženo.»¹³² Здѣсь собственно два средства: переворачиванье дежи вверхъ дномъ предполагаетъ, что вѣдьмы держать дождь-молоко въ сосудахъ, и что перевернуть сосудъ значитъ выпустить дождь, воротить коровамъ молоко; булавки и осколки стекла кладутся въ молоко испорченной коровы, чтобъ мучилась вѣдьма, по тому что это молоко находится не въ сосудѣ, а въ ней самой, она сама есть сосудъ. По Нѣмецкимъ предразсудкамъ молоко испорченной коровы слѣдуетъ сѣчь, или рубить, серпомъ въ горшкѣ: всякій ударъ по молоку почувствуетъ вѣдьма.¹³³ По Чешск. «vezme se hlohový neb šipkový prut, který se musí v poledne proti sobě na třikrte uříznout, tím samým se mléko od té krávy na kříž na outory obrácení dížky neb škopíku nadojené tak dlouho muská, až se vymrská a docela vyšlehá. Přitom se říká: «Šipku (neb hlohu)! ty's korunoval Spasitele, dej mi poznat mého nepřitele!»¹³⁴ то есть, вѣдьма должна при этомъ прибѣжать, или выдать себя другимъ какимъ образомъ, по тому что на себѣ испытываетъ удары, наносимые молоку.

Прямое слѣдствіе истощенія небесныхъ коровъ вѣдьмы есть голодъ на землѣ. Вѣдьма признается: «Лазила я до горы ногами на фигуру, да на скѣлько забачила свѣта, стѣлько и вкунула голоду. А друга тожъ призналась, що лазила такъ, якъ ся, да

¹³² Houška II, 541—542.

¹³³ Grimm, Myth. 1026.

¹³⁴ Sumlork II, 424.

скѣлько забачила свѣту, стѣлько одѣбрала молока». ⁴³⁵ Очевидно, оскорбленіе святыни можетъ быть только позднѣйшимъ средствомъ, какъ отбирать молоко, такъ и наводить голодъ. Болѣе древнее представленіе сохранилось въ лѣтописи подъ 1071 годомъ: «Бывши бо единою скудости въ Ростовской области, всташа два волхва отъ Ярославля, глаголюща, яко въ свѣтѣ, кто обилѣе держить. И поидоста по Волзѣ, кдѣ придуть въ погостъ, ту же нарицаху лучшіѣ жены, глаголюща, яко си жито держать, а си рыбы, а си скору. И привожаху къ нима сестры своя, матере и жены своя: она же (волхвы) въ мечтѣ (то есть, будто бы) прорѣзавше за плечемъ, выимаста любо жито, любо рыбу, и убывашета многы жены, имѣнье ихъ отымашета собѣ.» Въ Бѣлѣ Озерѣ, Янѣ, собиравшій Княжескую дань, приказалъ схватить ихъ и спросилъ: «Что ради погубиста толико чловѣкъ? онѣма же рекшема: яко ти держать обилѣе; да аще избіевѣ сихъ, будетъ гобино.» Вѣдмы держатъ обилѣе въ себѣ, какъ по выше приведеннымъ извѣстіямъ молоко. Достаютъ это обилѣе, прорѣзавши у вѣдмы за плечемъ. Странность этой операціи, какъ намъ сдается, вполне объяснена тѣмъ, что у вѣдмы спина корытомъ, и что въ это корыто, то есть, въ себя, именно вѣдма прячетъ гобино.

Если не Русская вѣдма, такъ Сербская вѣштица, ѣсть людей, подобно тому, какъ упырь пьетъ кровь. У южныхъ Сербовъ, «вѣштица се зове жена, коя има у себи некакавъ дяволски духъ, кой у сну изъ не изиде и створи се у лепира, у кокошѣ, или у тюрку, па лети по кутяма и ѣде люде, а особито малу дѣцу. Кадъ наде човѣка гдѣ спава, а она га удари некаквомъ шипкомъ преко лѣве сисе, те му се отворе прси, докъ извади срце и изѣде, па се онда прси опетъ срасту. Неки тако изѣдени люди одмахъ умру, а неки живе више времена, колико е она одсудила, кадъ е срце ѣла, и онаковомъ смрти умру, на какову она буде наміенила... Ни одной молодой и лѣпой жени не кажу, да е вѣштица, него све бабама... Кадъ вѣштица лети нотно, она се сія као ватра... Жена, коя е вѣштица, кадъ изъ не изиде онай духъ, лежи као мртва, и да е човѣкъ окрене главу, гдѣ су ей ноге биле, не би се више ни пробудила... Кадъ у

⁴³⁵ З. о Ю. Р. II, 37.

какомъ селу помре много дѣце, или люди, и кадъ сви повичу кою жену, да е вѣштица и да ихъ е она поѣла, онда е вежу и баце у воду, да виде, може ли потонути, эрь кажу, да вѣштица не може потонути.»⁴³⁶ Это вѣрованье было у Римлянъ и Германцевъ: Вѣдьма (лат. *strix, striga*, ночная мифическая птица, высасывающая кровь у дѣтей, колдунья вообще; это имя не безъ основанія стало употребляться у Чеховъ, Поляковъ и Словаковъ (*striga, strzyga, striga*), для обозначенія Славянской вѣдьмы-вѣштицы, а у Хорв. и Хорут (*strigon*) упыря, съѣдаетъ у человѣка сердце и, вмѣсто него, кладетъ вѣхоть соломы, кусокъ дерева и т. п.⁴³⁷ Гриммъ сравниваетъ Сербскую вѣштицу, съѣдающую сердце, съ Берхтою, которая, за несоблюденіе поста, разрѣзываетъ людямъ (особенно мужчинамъ) животъ и наполняетъ его рублевою соломой. Хотя жестокость Берхты, благотѣльнаго божества, есть дѣло справедливости, тогда какъ о вѣштицѣ ни чего подобнаго не извѣстно, но сравненіе имѣетъ силу и подтверждается легкостью взаимнаго перехода Яги и змѣя и отношеніемъ ихъ, а равно и волка, упыря, вѣдьмы къ одному и тому же явленію природы, именно облаку. Вѣштица или стрига съѣдаетъ большую часть сердца, а Гольда-Берхта поретъ животъ, но это разница не существенная: Плавтъ и стригѣ приписываетъ съѣданіе внутренностей (*intestina*), а слово сердце и соотвѣтственные ему формы въ Славянскомъ, Латинскомъ и Греческомъ, значить и желудокъ, внутренности, что, быть можетъ, древнѣе: Малороссійское «на ще сердце», на тощій желудокъ, Серб. «слабъ на срцу»—когда тѣра на поле, слабить; «серце боли»—о страданіяхъ беременной; Литовское *szirdis skand*—животъ болитъ; Греческое *καρδία*, между прочимъ, внутренность сосуда, сердцевина дерева.

Выше мы видѣли, что изъ вѣдогони соннаго выходитъ духъ, сопящій облака, и что по смерти вѣдогони становится упыремъ, что, стало быть, состояніе соннаго сближается съ посмертнымъ состояніемъ. Изъ вѣштицы выходитъ соотвѣтствующій упырю духъ, поѣдающій людей только во время сна; но этотъ духъ принимаетъ на себя, между прочимъ, видъ мотылька, а мо-

⁴³⁶ Рѣчн. Вѣштица.

⁴³⁷ Myth. 1100, 1034—1036.

тылекъ есть Общеиндо-европейскій образъ и символъ души,⁴³⁸ слѣдовательно, сонъ и здѣсь представляется отдѣленіемъ души отъ тѣла, явленіемъ, почти тождественнымъ со смертію. Вѣштица есть душа, сближенная съ враждебными стихійными силами. Вѣштица, когда выйдетъ изъ нея духъ, лежитъ какъ мертвая, Положительнымъ подтвержденіемъ какъ того, что сонъ вѣштицы соотвѣтствуетъ смерти, такъ и того, что превращеніе ея въ мотылька было извѣстно и другимъ Славянамъ, кромѣ Южныхъ, находимъ въ Польскомъ повѣр'ѣ, что «Córki przemożnego domu Pileckich, a do tego pierworodne, jeżeli zmarły przed zamaż pójsciem, zamieniały się w gołębie, zamężne zaś w cmy nocne, i ukaszaniem przeprowiadały zgon każdemu z członków tej rodziny».⁴³⁹ Женщины здѣсь не во время сна, а по смерти, обращаются въ ночныхъ мотыльковъ, кусаютъ своихъ родныхъ, и тѣмъ предсказываютъ смерть, что выходитъ на одно со съдѣаньемъ сердца вѣштицами. Пословица: «śma ludzi nie jé, ale spowala,» играетъ словомъ «śma», которое значить тьма темноты, когда люди съ отыкаются и падаютъ. Ночной мотылекъ (phalaena) и мифическое существо, принимающее его форму, — mara, duszka, съдающая людей. Мы упомянули уже о томъ, что упырь начинаетъ морить людей съ своихъ родныхъ, и въ этомъ сходится съ тьмою и вѣштицею, о которой Сербская пословица говорить «Кудъ те вѣштица до у свой родъ.» Ср. также Сербскую пѣсню:

Осу се небо звездама,

И равно поле овцама,

Овцама нема чобана,

До едно дѣте Радое,

И оно лудо заспало;

Буди га Яня сестрица:

«Устани горе, Радое!

«Овце ти за лугъ задеше.»—

«Нека и, сеѣ, не могу;

Вѣштице су ме изеле:

Майка ми срце вадила,

Стрина ей лучемъ светлила.» (Карадж. Пѣс. I, 162).

⁴³⁸ Ср. Греч. ψυχή душа и бабочка; обл. Вреликорусск. душичка, мотылекъ, бабочка; Хорут. веѣа (вѣщая), вѣштица, вѣдьма, блудящій огонекъ (извѣстный образъ души), мотылекъ. И у Нѣмцевъ изъ вѣдьмы во время сна вылетаетъ мотылекъ.

⁴³⁹ Wojcicki, Kłechdy.

Сравните также Галицко-Русскій разсказъ о вѣдьмѣ, которая чтобъ избавиться самой отъ смерти, хочетъ извести сына.¹⁴⁰

Продолженіемъ и дополненіемъ извѣстій о вѣдьмѣ-вѣштицѣ служатъ извѣстія о Марѣ: Серб. Мора, *der Alp, ephialtes, incubus*, прямо называется вѣштицею: «Гдѣкои приповіедаю, да е мора вѣштица, коя се покаяла и зарекла, да не те више люди бѣти, него ихъ само нотию у спаваню притискуе и дихане имъ зауставля. Гдѣкои опетъ мисле, да е дѣвойка, коя те постати вѣштница, докъ се уда». ¹⁴¹ Разница здѣсь между марою—дѣвицею и вѣштицею—мужнею женою, подобна той, какую дѣлаетъ Польск. повѣрье между Пилецкими дѣвицами и замужними. У Нѣмцевъ Сканд. имя Валькирии *Thrúdr* становится нарицательнымъ и получаетъ значеніе дѣвицы, колдуньи, вѣдьмы, дѣтскаго пугала, мара (Нѣм. *drut, drude*). ¹⁴² Чеш. *můra, ephialtes*, значить также мотылекъ, *alucita, sphinx*), *strix*, вѣштица: «*Baby čarodějně, můry (striges) a zhare (поджигателей) na hranici páli.*» ¹⁴³ У Сербовъ о вѣштицѣ говорятъ: «кад виде у вече какаго лепира (мотылька) гдѣ лети по кути, понайвише мисле, да е вѣштица, па, ако се може, ухвате га, те га мало напале на свіеті, или на ватри, па га пусте, говорети: «Доди сютра, да ти дамъ соли!» Ако би се догодило, да сютраданъ доде кака жена, да иште соли, или какиемъ другіемъ посломъ, па ештъ ако буде гдѣ нагорѣла, онда се за ціело мисли, да е оно она синоть била.» ¹⁴⁴ У Чеховъ не вѣдьмѣ, а марѣ общають дать завтра хлѣба, или огня: «*Kdo, můrou jsa trapeň, chce se jí zbaviti, ať jí, když naň ulehne a jej tíží, slíbí bochníček. Jedna žena tvrdila, že když tak udělala, druhýden rano v skutku jedna ženská, jenž byla můrou, k ní přisedši, slíbený bochníček od ní žádala.*»¹⁴⁵ Тамъ же разсказъ о томъ, что одного хозяина мучила мара, которая оказалась его собственною женою, что сравните съ пословицею: «Кудъ те вѣштица до у свой родъ.» По дру-

¹⁴⁰ Wahyl. О upir. a widm. 246.

¹⁴¹ Карадж. Рѣчн. Мора.

¹⁴² Grimm, Myth. 394, 993.

¹⁴³ Jungmann.

¹⁴⁴ Карадж. Рѣчн. Вѣштица.

¹⁴⁵ Houška III, 46.

гому разсказу, дѣвицѣ присовѣтовали, для спасенія отъ мары, которая являлась бѣлою кошкою и давила ее, вскочивши на грудь, сказать: «Mũro moroucí, peklo horoucí, přijď si rano pro oheň!» Дѣвица такъ и слѣдала, и на другой день точно пришла за огнемъ старая сосѣдка, которая уже нѣсколько лѣтъ слыла вѣдьмою (šarodějka).⁴⁴⁶ Такъ и у Нѣмцевъ: чтобъ мара оставила человѣка, слѣдуетъ обѣщать ей дать чего въ займы, или подарить: «Alb, komm morgen, so will ich borgen,» или: «Komm morgen und trink mit mir!» На другой день она и является въ человѣческомъ образѣ.⁴⁴⁷

Какъ и вѣдьма, мара любить молоко. У Чеховъ «nakrají li se chleba do mléka, a nepotopí li se některý kousek, na ten sedne murga, a kdo jej sní, toho bude moriti.»⁴⁴⁸ На пастушескій праздникъ (kravské hody, около Троицы) пастухи загоняють скотъ въ нарочно приготовленные круги, чтобъ все лѣто скотъ держался кучи и чтобъ мѣра ему не вредила, не высасывала молока.⁴⁴⁹ Мѣра здѣсь одно лицо съ вѣдьмою, о которой извѣстно, что она особенно опасна скоту и въ это время. Нѣмецкое повѣрье говорить «Vom albdücken schwellen männern die brüste an und geben milch. Das einzige mittel gegen dieses übel ist einsmieren der brunstwarzen mit koth;»⁴⁵⁰ изъ чего видно, что мара сосетъ у соннаго человѣка молоко, какъ змѣй и упырь.

Вѣдьма ѣздитъ верхомъ на людяхъ, обороченныхъ въ лошадей. Нѣмецкая Мара (Mare, Nightmare) ѣздитъ не только на людяхъ, когда ихъ давить во снѣ («dich hat geritten der Mar»),⁴⁵¹ но и настоящихъ лошадяхъ. На утро находятъ такихъ лошадей въ поту и съ перепутанною гривой.⁴⁵²

Мара находится въ сродствѣ не только съ вѣдьмою, но и съ волколакомъ и змѣемъ. По Нѣмецкому повѣрью, если невѣста

⁴⁴⁶ Ib II, 526.

⁴⁴⁷ Wolf, Beitr. II, 247.

⁴⁴⁸ Houška III, 179.

⁴⁴⁹ Sumlork II, 393 — 397.

⁴⁵⁰ Wolf, Beitr I, 227.

⁴⁵¹ Grimm, Myth. 443.

⁴⁵² Grimm, Mith. 1193 — 1194; Wolf, Beitr II, 272 — 274.

прибѣгнуть къ извѣстнымъ чарамъ, чтобъ потомъ рожать дѣтей безъ страданія, то мальчики, которыхъ она родитъ, будутъ волко лаками (*werwölfe*), а дѣвочки—марами (*nachtmahren*).¹⁵³ По Вакераду, *vlkodlak* есть *incubus*, то есть, мужская половина мары. Польское *latawiec*, змѣй, летающій къ женщинамъ, объясняется такъ: *incubus, ad masculos accedens, feminam fingit, feminas aggrediens, masculum se exhibet, der Nachtdrude. Vulgus et eruditi quidam incubum cum ephialte morbo confundunt. Lata wiec, niemoc, w którój człowiek mniema, by go dusilo.*¹⁵⁴

Недостатокъ прямыхъ извѣстій о любовныхъ связяхъ вѣдьмы съ людьми, извѣстій, предполагаемыхъ, съ одной стороны, подобными извѣстіями о змѣѣ и упырѣ, а съ другой тѣмъ, что вѣшница съѣдаетъ сердце, а мара пьетъ молоко изъ груди,¹⁵⁵ восполняется Нѣмецкими данными о марѣ и Великороссійскими о шутовкѣ. Нѣмецкая мара непремѣнно женщина, на что указываетъ грамматическій родъ ея названій: *die Mahr, die Stempe* (ср. *stamfen*), *die Trempe* (*trampen, calcare, premere*), *die Tunde*. Изрѣдка, впрочемъ, *der Mahr*, и всегда *der Alp*, хотя подъ послѣднимъ разумѣются и женскія существа. Проскользнувши въ щель, или дырку въ замкѣ, мара представляется спящему любимой имъ женщиной. Если ее поймать, замкнувши скважину, въ которую она вошла, или другимъ какимъ средствомъ, то она оборотится кошкою, перомъ, колоскомъ и т. п., но къ утру станетъ прекрасною дѣвицей. Многіе женились на пойманной марѣ, которая ихъ мучила, счастливо жили съ нею по нѣскольку лѣтъ и приживали дѣтей. Но когда случалось сказать ей грубое слово, ототкнуть скважину, куда она влетѣла, или спросить, откуда она родомъ, то мара исчезала. По Уральскому повѣрью шутовки суть проклятыя жены и дѣвки. Они живутъ невидимо отъ людей въ одиночку гдѣ

¹⁵³ Grimm, ib. 1050; Wolf, ib. 264—265.

¹⁵⁴ Linde.

¹⁵⁵ Быть можетъ, бѣда вѣдьмъ на людяхъ, обороченныхъ конями, имѣетъ значеніе плотской любви. Подобный переходъ мысли встрѣчается въ пѣсняхъ и пословицахъ, на пр: «Седланъ конь не може бити као не седлавъ»; «Жена ни у лицу не може бити као дѣвойка». Посл. 283. Ср. Срб. Пѣс. I, 428. Если это такъ, то первообразъ вѣдьмы—мужское существо, *incubus*, а не *succubus*.

приведется, а домами завсегда подъ водой, на днѣ озера, прудовъ, гдѣ у нихъ хоромы словно изъ хрустала, или изъ льда. Такимъ образомъ шутовка сродна съ русалкою, то есть, душою, живущею въ небесныхъ (поломъ въ земныхъ) водахъ. Ср. Болгарское повѣрье: «Мура, которая давить во снѣ, не причиняетъ ни болѣзни, ни смерти, даже избавляетъ отъ нихъ и приносить счастье (подтвержденіе двоякой судьбы и двоякихъ свойствъ и дѣйствій душъ), есть душа младенца, умершаго безъ крещенія, или у Магометанъ безъ обрѣзанія, и по тому она остается на землѣ и, завидуя (?) спокойствію другихъ душъ, мучить живыхъ людей.»⁴⁵⁶ Извѣстно, что именно Русалка и Мавка есть душа некрещеннаго младенца.⁴⁵⁷ Шутовки ходятъ между людьми, похищаютъ одежду и пищу и выбираютъ для себя любовниковъ. Обыкновенно онѣ попадаютъ на тѣхъ, которые горюютъ объ отсутствующихъ женахъ, или любовницахъ: онѣ являются въ образахъ этѣхъ послѣднихъ. (Такъ и змѣи.) Парень, къ которому привязалась шутовка, теряетъ веселье, не пьетъ, не ѣстъ, пожелтѣетъ, исхудаетъ, ни съ кѣмъ слова не скажетъ, ото всѣхъ бѣгаетъ, забивается въ глухія мѣста, когда одинъ — шепчется, смѣется, цѣлуется. Пойманная шутовка оборачивается жукомъ, потомъ принимаетъ свой настоящій видъ, выходитъ за мужъ, рождаетъ дѣтей, но если не соблюдены мужемъ извѣстныя условія, исчезаетъ. Шутовка уговариваетъ своего любовника не давать себя мазать ни какимъ снадобьемъ, ни кропить свяченою водою. «А естли когда дашься, то, говорить, иль бо тебя задую (какъ упырь, или вѣштица)... иль бо домъ спалю (какъ обиженный огненный змѣй), иль бо всю скотину у васъ переморю (какъ товаряча смерть, моровая жена, или вѣдьма)»⁴⁵⁸ Кромѣ шутовокъ, есть и шуты, которые, въ свою очередь, обольщаютъ между людьми молодыхъ женщинъ; но повѣрья придаютъ имъ меньше значе-

⁴⁵⁶ Княжескій, Болг. пов. 210.

⁴⁵⁷ Какъ Вѣда беретъ себѣ дитя, проклятое матерью, такъ и шутовка. Стоитъ только отцу, или матери, сказать не въ часть сыну, или дочери: «Будь проклятъ!» и—дитя исчезнетъ. Не часомъ называются самые глухіе полдни, мгновеніе перехода отъ 12 часа къ 1-му.

⁴⁵⁸ Желѣзновъ, Сказанія Уральскихъ Казаковъ VII, въ Библ. для чтенія 1861, Апрель.

нія, чѣмъ шутовкамъ. «На насъ, говоритъ одинъ изъ нихъ, лю-
дямъ жаловаться грѣхъ: мы не привязчивы. А вотъ шутовка—статья
иная». Очевидно, шутъ есть позднѣйшее дополненіе къ шутовкѣ,
симметрическая достройка къ ней, изъ чего, впрочемъ, не слѣ-
дуетъ, чтобы извѣстныя качества мары не предполагали вліянія
мужскаго образа, подобнаго змѣю, или волку. Черта Уральскаго
повѣрья, что любовь человѣка и бракъ съ нимъ нужны шутовкѣ
за тѣмъ, чтобы стать ей полнымъ человѣкомъ, сильно развита въ
Нѣмецкихъ сказаніяхъ о Марахъ и Альбахъ. Въ ней видимъ мысль
о стремленіи души, отдѣленной отъ тѣла, къ новому воплощенію.

Славянскія и Нѣмецкія формы слова Мара (Сербская Мора,
Болг. Мура, Чешская Můra, Польская Moga, Mara, Zmoga. Скан-
динавская Мага, Ново-Верхненѣмецкая Маг, Нижненѣмецкая Маег,
Англійская Night-mor, Французская Cauchemar, Cochemar, гдѣ
1-я половина изъ caucher, calcare) относятъ это слово къ кор.
мри, мар, откуда съмръть и другія, сродныя съ тѣмъ же зна-
ченіемъ и съ значеніемъ страданія, болѣзни.¹⁵⁹ Языкъ указываетъ,
стало быть, на связь мары съ олицетвореніями болѣзни и смерти,
подтверждаемую и повѣрьями. Смерть облизываетъ у спячаго зу-
бы: «Kdo večer po modlitbě vykonané jestě něco sní, tomu spícímu
smrt usta obliží»,¹⁶⁰ и отсюда, вѣроятно, лихорадочная сыпь на
губахъ. Лихорадка, которая, по Чешскому повѣрью, точно такъ,
какъ мара садится на не потонувшій въ молоко кусокъ хлѣба,
чтобъ, вмѣстѣ съ этѣмъ кускомъ, попасть въ человѣка,¹⁶¹ по Рус-
скому повѣрью однимъ мечтательнымъ поцѣлуемъ причиняетъ
трясавицу.» Въ сближеніи мары и болѣзни, даже смерти, нѣтъ
ни чего удивительнаго, по тому что душа, какъ мы видѣли,
является и проводникомъ другихъ душъ съ сего свѣта, а богиня,
къ которой какъ мары, такъ и вѣдьмы, имѣютъ отношеніе, сама
есть смерть.

Всѣ сближенныя нами существа (змѣй, волкъ, вѣдьма, мара)
имѣютъ, хотя не исключительное, но болѣе замѣтное, отношеніе
къ Рождественскимъ, чѣмъ къ другимъ, праздникамъ. У Чеховъ

¹⁵⁹ На пр., Великорусское умирать (головой, ногами), болѣть, Польск. głodu
się namarła, натерпѣлась, zmartwienie, огорченіе и др.

¹⁶⁰ Houska II, 535.

¹⁶¹ Ib. III, 54.

змѣй пливникъ носить людямъ деньги именно на Рождество.¹⁶² Въ Великороссіи «передъ тѣмъ часомъ, какъ быть змѣю (летающему къ дѣвицѣ), насыпаютъ на загнетку снѣгу, собраннаго въ Крещенскій вечеръ. Говорятъ, что змѣй отъ этого снѣгу погибнетъ».¹⁶³ На Рождество Словаки ходятъ колядовать со змѣемъ, сдѣланнымъ изъ кусочковъ дерева, которые можно приводить въ движеніе; пасть у змѣя красная, на головѣ корона изъ позолоченной бумаги.¹⁶⁴ Обычай этотъ, вѣроятно, имѣетъ одно значеніе съ Польскимъ: на второй день Рождества переряженные паробки ходятъ колядовать и водятъ съ собою тура (образъ громоваго, или солнечнаго, божества), или чучело волка. Объ этомъ послѣднемъ еще въ XVI вѣкѣ была пословица: «Biega by z wilczą skora po koledzie.»¹⁶⁵ Въ Германіи, въ теченіе 12 ночей, между Рождествомъ и Крещеньемъ, пастухи не должны называть волка по имени (Wolf), чтобъ онъ не рѣзалъ у нихъ овецъ. Въ это время когда всѣ чудовища (ungeheuer) имѣютъ болѣе силы, волка слѣдуетъ называть ungezieter,¹⁶⁶ unthier (животное, приносимое въ жертву, нечистое), или feind.¹⁶⁷ И въ другое время, другихъ мифическихъ враговъ бояться называть по имени, особенно волка, на что указываютъ пословицы: «Про вовка помовка, а вовкъ на дворѣ;» «Про волка рѣчь, а волкъ на встрѣчѣ;» nie wywołuj wilka z lasa», и особенно на Святкахъ. Названіе волка feind согласно съ переходомъ значеній въ собственномъ имени волка. Гриммъ, а за нимъ и многіе другіе, полагаютъ, что Сканд. wargr одного происхожденія съ волкъ, wolf (по Бенфею кор. врагъ, разрыватъ, прич. прош. стр. д. врикна). Это wargr, lupus, latus, exul, тождественно со Слав. врагъ, которое въ разныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ значитъ не только врага и убійцу, но и

¹⁶² Hanuš, Kalend. 19.

¹⁶³ Сах. Ск. Р. Н. II, 7, 5.

¹⁶⁴ Pauli, P. lud. Pol. 2—3.

¹⁶⁵ Pauli, P. lud. Polsk. ib.

¹⁶⁶ Изъ отрицательной частицы и ziber, zeber, Древненѣм. zēpar, Англ. tiber, животное, приносимое въ жертву. Гриммъ.

¹⁶⁷ Grimm, Reinh. Fuchs LIX.

съ явнымъ указаніемъ на мифическія значенія волка, чорта.⁴⁶⁸ Этого по слѣдняго, по Хорватскому повѣрью, можно видѣть на перекресткѣ, тоже около Рождества.⁴⁶⁹ Люди оборачиваются въ волковъ въ два главные праздника, именно: на Рождество и на Купала: «Do święta przyprowadzono wilkołka mniemanego, który powiadał, iż zwykł dwa razy na rok w wilka się przedzierać, raz w dzień Bożego Narodzenia, drugi raz w dzień Św. Jana Chrzciciela.»⁴⁷⁰ У Сербовъ «вукодлаци се највише појављују зими, од Божића тамо до Спасова дне.»⁴⁷¹ О простыхъ волкахъ въ Малороссіи говорятъ, что они начинаютъ бѣгать стаями съ 9 Декабря (Зачатіе Св. Анны), и разбѣгаются только послѣ выстрѣловъ на Богоявленіе.⁴⁷² Можно бы видѣть основаніе связи волка и зимнихъ праздниковъ въ томъ, что зимою, во время течи, волки бѣгаютъ стадами и наиболѣе опасны скоту и человѣку; но гораздо важнѣе, кажется, другое объясненіе, примѣнимое не къ одному волку, но и змѣю, что существа, имѣющія отношеніе къ мраку, тѣмъ самымъ сродны и съ зимою. Ужъ конечно не по тому волкъ представляется пожирающимъ свѣтила, что зимою волки бѣгаютъ стадами. Вѣдемъ тоже узнаютъ въ ночь на Рождество. У Хорватовъ: «онай, кой на Св. Луцію (13 Просинца) причме столаць правици и сваки дань по нешто на нимъ ради, тако да га на Баднякъ на вечеръ доврши, онай, ако буде кодъ полночьке на немъ у церкви седіо, или стаю, познатте сваку жену, коя е вѣштица, или мора... Медю тимъ позоранъ мора бити, да свое сміонство са животоу не плати; ерѣ вѣштице, чимъ се Служба Божья доврши, хите на дворъ и хоте да га растргаю. Човѣкъ, кой е смѣо вѣштице гледати, понесе подобро пшенице са собомъ, и када изъ цркве изиде—ерѣ мора кодъ врата стаати,—нека по своемъ трагу пшеницу просипа. Вѣштице те, пшеницу купеть, заостати, и тако те се онъ одъ нихова яла ослободити и у кутю измати.»⁴⁷³

⁴⁶⁸ III, 93.

⁴⁶⁹ Grimm, Reinh. Fuchs XXXVI.

⁴⁷⁰ Въ день связанный нѣкоторыми обрядами съ Рождествомъ, на Св. Луцію 13 Просинца. III 100.

⁴⁷¹ Linde.

⁴⁷² Карадж. Рѣчн.

⁴⁷³ Сементовскій, Молодикъ 1843, стр. 98.

Чешс. «Kdo v jitřní (на Рождество) sedí, nebo klečí na stoličce, z devatera dříví stesané, pozná všechny carodějky, jež jsou v kostele, stojí zády obrácené k oltáři». ¹⁷⁴ У Нѣмцевъ, если сварить на Рождество зеленой капусты, и съ ложкою, которою мѣшалась эта копушта, подойти къ церковнымъ дверямъ во время Рождественской Службы, то можно узнать вѣдемъ по особенному головному убору, котораго въ другое время незамѣтно, именно, по подошникамъ на головахъ. ¹⁷⁵ Бросанье пшеницы, упомянутое Хорватскимъ повѣрьемъ, имѣетъ при себѣ бросанье за себя разныхъ вещей, какъ средство убѣжать отъ упыря, ¹⁷⁶ мертвеца, ¹⁷⁷ некрещенныхъ душъ, змѣя. ¹⁷⁸ Вѣдьмы особенно опасны скоту около Рождества. «26 Декабря (?) начинаются бѣсовскія потѣхи и нечистые духи посѣщаютъ землю: 3 Генваря голодныя вѣдьмы задаиваютъ коровъ, для охраненія которыхъ привязываютъ къ воротамъ свѣчу.» ¹⁷⁹ Свѣча, между прочимъ, символъ перуна, и вѣдьма, какъ можно заключать и изъ ея сродства со змѣемъ и волкомъ, враждебна громовому божеству. Кашебы на Рождество, Новый Годъ и Божоявленіе замыкаютъ хлѣва и конюшни и, для отогнанія колдуновъ и вѣдьмъ, дѣлаютъ на воротахъ кресты мѣломъ. ¹⁸⁰ У Поляковъ на канунъ Рождества съ такою же цѣлью тщательно запираютъ скотъ въ хлѣвахъ, покормивши его остатками отъ ужина. У Чеховъ «na štědrý den, před slunce vychodem, dřív než co jiného dobytku daš, dej každé kravě kousek kaše (обрядное Рождественское кушанье), část pověnečného turanu (зелье, erigeron acre), kousek ruty, a tři ječné klasy snísti.» ¹⁸¹ Цѣль, вѣроятно, та же, что и выше. На сѣверѣ Германіи вяжутъ въ теченіе 12 ночей

¹⁷⁴ Houška II, 350.

¹⁷⁵ Kuhn, Nordd. Sag. 403.

¹⁷⁶ Wähyl. O up. a wid. 230.

¹⁷⁷ З. о Ю. Р. II.

¹⁷⁸ Ibid.

¹⁷⁹ Аван. о вѣдунѣ и вѣдьмѣ 111—112, 127—129.

¹⁸⁰ Гильф. Остатки Слав. Эт. Сб. V 73.

¹⁸¹ Sumlork II, 423; Houška II, 350.

вѣнники, каждый день по немногу. Этѣ вѣнники предохраняють людей отъ чаръ, а скотъ отъ порчи. Черезъ такой вѣнникъ, положенный на порогѣ, гонять скотъ весною въ первый разъ на пастбище. Имъ лѣчатъ коровъ, когда у нихъ пухнетъ вымя отъ укушенія ласицы, ⁴⁸² коорою, вѣроятно, оборачивается вѣдьма.

Въ Малороссіи о вѣдьмѣ говорятъ: «Якъ у день, то й стара, а якъ сонце заходить, то вона й молодѣе, а въ саму глуху пѣвничъ стане молоденькою дѣвчинкою, а тамъ стане старитись, и до сходъ сонца стане така стара, якъ була вчора. Такъ вона, якъ помолодѣе, то й надѣне бѣлу сорочку, и косы распустить, якъ дѣвка, та й поїде дойти по селу коровъ,» и пр. ⁴⁸³ быть можетъ, это молодѣнье вѣдьмѣ ночью слѣдуетъ связать съ усиленіемъ ихъ и всякой нечистой силы зимою: зима—ночь года.

Въ заключеніе укажемъ на нѣсколько средствъ противъ упыря и вѣдьмы, средствъ, подтверждающихъ намъ заключенія объ этѣхъ существахъ.

Выше мы видѣли, что кабанъ, обрядныя Рождественскія кушанья, поросенокъ, колбасы имѣють отношеніе къ свѣтлымъ божествамъ. Согласно съ этѣмъ, кровь кабана, убиваемаго къ Рождеству—средство противъ существъ враждебныхъ этѣмъ божествамъ. «Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сѣверовосточной Россіи этого кабана окуриваютъ, окропляютъ водой и опрыскиваютъ огонь кровью, чтобы нечистая сила не ходила по скотнымъ хлѣвамъ на канувѣ Рождества и не портила бы домашняго скота.» ⁴⁸⁴ У Волоховъ, чтобы умершій не сталъ вампиромъ (мигопу), между прочимъ, тѣло его мажутъ саломъ свиньи, убитой въ день Св. Игнатія (20 Декабря, предпразднество Рождества и Свещенномученика Игнатія Богоносца). ⁴⁸⁵ По Нѣмецкому повѣрью тотъ, кого давить мара, долженъ просверлить подъ дверьми дыру и заткнуть ее свиною щетиною, а когда прійдетъ мара, обѣщать ей подарокъ.

⁴⁸² Kuhn, Nord. Sag. 410.

⁴⁸³ Квѣтка II, 88.

⁴⁸⁴ Терещ. VII, 4.

⁴⁸⁵ Schott, Wal. Märch. 298.

Она оставитъ челоуѣка, а на другой день прійдетъ за подаркомъ. ⁴⁸⁶ Въ Великороссіи лихорадки бояться, между прочимъ, свинныхъ гнѣздъ. ⁴⁸⁷

У всѣхъ Славянъ чеснокъ — необходимая принадлежность ужина на канунъ Рождества. Въ Малороссіи «иные кладутъ подлѣ ложекъ по головкѣ чесноку, для предохраненія отъ нечистой силы.» ⁴⁸⁸ У Хорватовъ «кодъ бадне се вечере найпріе бѣлогъ лука (чесноку) еданъ чень у медъ умоченъ поѣде... Медъ се за то ѣде, да човѣкъ има крозъ цѣлу годину мелене речи, а лукъ — да ништа вѣштице не могу нахудити.» ⁴⁸⁹ У Сербовъ: «Вѣштице не ѣду біелаго лука, и за то се многи о біелимъ и божитнимъ покладама (въ заговѣны передъ Великимъ Постомъ и Филипповкою) намажу біелимъ лукомъ по прсима, по табанима и исподъ пазуха: ерь кажу, да оне на покладе найвише ѣду люде.» ⁴⁹⁰ «Да човѣкъ убіе гуя пріе Благовіести (до 25 Марта), па да усади у незину главу чесно біелаго лука, да никне до Благовіести, па да га задѣне за капу на Благовіестъ, кадъ поде къ цркви, онда би познао све жене, кое су вѣштице: све би се купиле око неѣга, да му отму, или украду, оно чесно.» ⁴⁹¹ Это выращи- ванье чесноку въ головѣ убитой змѣи есть, по видимому, знакъ господства начала, представляемаго чеснокомъ, надъ тѣмъ, которое представляется змѣею. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Юной Россіи въ волоса невѣсты. передъ отправленіемъ къ вѣнцу, завязываютъ головку чесноку, вѣроятно, отъ порчи вѣдьмами. По мнѣнію Голембѣвскаго «*jak czosnek wszelką zarazę, odpędza, tak i wszelkie zle od niej (невѣсты) odchodzi.*» ⁴⁹² У Поляковъ «*w wiliją Bożego Narodzenia pod obrusem na stole, sianem zasłanym, kładą przed każdą osobą kilka główek czosnku, dla odegnania wszelkich chorób.*» ⁴⁹³

⁴⁸⁶ Wolf, Beitr. II, 275.

⁴⁸⁷ Абевера 231.

⁴⁸⁸ Терещ. VII, 63.

⁴⁸⁹ Пис.

⁴⁹⁰ Карадж. Рѣчи. Вѣштица.

⁴⁹¹ Тамъ же Благовіестъ.

⁴⁹² Goleb. Lud Polski 217.

⁴⁹³ Pauli. P. lud. Pol. 1—2. По Сербской пословицѣ чеснокъ говоритъ челоуѣку: «Ти мене чувай одъ нокта, а я тю тебе одъ свакога зла» (біели лукъ

У Чеховъ: «Po večeri štědré hospodář psovi, a hospodyně opět houserovi, kachně a kohoutu do hrdla strčí částku chleba, ryby a stroužek česneku od večere. Na to každému se na krku, za tkaničku, okolo hrdla uvazanou, zavěsí větvicka trnava.» Голубю въ тотъ же вечеръ даютъ три зерна перцу, для той же цѣли, какъ и другимъ домашнимъ животнымъ, именно, чтобы не боялись злыхъ людей и берегли своихъ дѣтей.¹⁹⁴ Замѣна чесноку перцемъ можетъ указывать на то, что причины противоположенія чесноку вѣдьмъ слѣдуетъ искать не въ этимологическомъ значеніи слова чеснокъ,¹⁹⁵ а въ томъ, что чеснокъ горекъ. Значеніе горечи связано съ представленіемъ огня.

Кропива. «Въ ночь на Купала въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи не отдѣляютъ телятъ отъ коровъ, чтобы вѣдьмы ихъ не испортили, а въ хатахъ на окнахъ кладутъ кропиву.»¹⁹⁶ Чешское: «Aby žádný mléku ne uškodil, berou kořen od kopřivy, vložíce jej na štědrý den do syříště (kvas, kterým se mléko nakvašuje, aby syřelo. Jungm), jež po celý rok chovají, a toto přilévají na syříšte, aby se sejr ne kazil.»¹⁹⁷ Основанія тѣ же, что въ противоположеніи чеснока нечистымъ силамъ, но гораздо яснѣе: кропива—обыкновенная замѣна Купальскаго костра; дѣйствіе ея на тѣло обозначается словами съ основнымъ значеніемъ огня (Русская крапива жжется, жалить, Сербская коприва жаре, Польская pokrzywa parzy, Чешская kopřiva žahá, žihá, palí), откуда ея названія: жижка-крапивка (Бѣлор.), жигучка (Кур.), Сербско-Хорут. жегавица, жигавица, Чешско-Польская žahavka, žagavka, Латинская urtica, Нѣмецкая Brennessel.

здравій, кадъ се не люшти, него онако съ люскомъ кадъ се ѣде.» (Карадж. Посл. 316.

¹⁹⁴ Sumlork I, 321, 280, 221.

¹⁹⁵ Чеснокъ—нѣчто оторванное, что колется. Ср. Чеш. česno, дыра въ колодѣ, въ ульѣ (дыра сходно съ драть). Великорусск. Костр. чеснокъ, пни, корни, служащіе фундаментомъ домовъ. Чеснокъ, allium. Ср. съ Нѣм. Knoblauch изъ Chlorodauch, отъ Дрвн. chliorauc, Сканд. kliufa, findere, откуда, междупрочимъ, Нѣм. Kluft, tissura (Grimm, Gramm. II, 18).

¹⁹⁶ Сементовскій, Молодикъ 1843 г., 93.

¹⁹⁷ Sumlork II, 420.

Терновникъ, шиповникъ и другіе колючіе кустарники. Глодовымъ или терновымъ коломъ убиваютъ вампира: «Ако се о комъ увѣре и догоди се, да га ископаваю, онда се скупе сви селяци съ глоговіемъ колемъ (еръ се онъ само глогова коца бои: за то говоре, кадъ вукодлака спомену у кути: «На путу му броть (*rubia tinctorum*) и глогово трне! еръ су и бротяци покривени глоговимъ трнемъ), па раскопаю гробъ, и ако у нему надю човѣка, да се ни е распао, а они га избоду оіемъ колемъ, па га баце на ватру те изгори.»¹⁹⁸ Въ Червоной Руси, въ 1827 и 31 году, во время засухи и холеры, жгли упырей и вѣдьмъ на терновомъ огнѣ.¹⁹⁹ У Чеховъ терновникъ предохраняетъ скотъ отъ вѣдьмъ: »Tuto pos, před prvním dnem v Mají, neb Sv. Filipem a Jakubem, čarodějnice dobytku čarují. Za tou příčinou každá hospodyně a děvečka opatrná hnůj a prah u chlívu kravčího angreštovým (крыжовникъ) neb jiným trním bodavým, zvláště hlohovým, šipkovým, trnkovým posazí (утыкаетъ), aby se čarodějnice na ně chytily.»²⁰⁰ Согласно съ этѣмъ, вѣштица «кадъ хоте да полети од куте, намаже се некаквомъ масти исподъ пазуха па рече: «Ни о трнъ, ни о грмъ (дубъ и родъ кустарника), веть на пометно гумно!» Приповѣда се, да е некака жена, коя ни е била вѣштица, намазавши се ономо масти, мѣсто «Ни о трнъ, ни о грмъ,» нехотице рекла: «И о трнъ, и о грмъ,» и полетѣвши, сва се испребіяла кое о шта.»²⁰¹ Терновникъ, или другой какой-то кустъ съ густыми и мелкими шипами, называется по Сербски вукодржица, держащій волка, сквозь который волкъ не проберется. Можетъ быть, здѣсь рѣчь и о миоическомъ волкѣ: у Волоховъ кладутъ въ гробъ кусокъ тернистаго шиповника (*einen dornichten Stock von wilden Rosen*), чтобъ шипы, зацѣпившись за саванъ, задерживали мертвеца и не давали ему выходить изъ гроба.²⁰² Выше мы привели два Чешскія средства отъ вѣдьмъ, въ которыхъ важную роль играетъ глодъ и шиповникъ. Прибавимъ еще слѣдующее: Человѣка, испорченнаго

¹⁹⁸ Каражд. Рѣчн. Вукодлакъ.

¹⁹⁹ Wahyl. O upír. a widm. 232.

²⁰⁰ Sumlork II, 249.

²⁰¹ Рѣчн. Вѣштица.

²⁰² Schott, Wal. Märch. 298.

чарами, нужно слегка трижды ударить терновою вѣткою, извѣстнымъ образомъ срѣзанною въ Великую Пятницу. Этѣ удары такъ болѣзненно почувствуются чародѣемъ, или вѣдьмою, виновниками порчи, что они должны будутъ немедленно явиться.²⁰³ Если воръ (замѣщеніе мифическаго лица человѣческимъ) оставить на мѣстѣ покражи лоскутъ платья, или другое что ни будь свое, то найти его можно слѣдующимъ образомъ: «Vezmi ten šat, a do kusu košile, v níž to člověk umřel, jej zaobal a přidej tři vršky jednoročního prutu hlohového, tři šipkového, devět špendlíku, tři kousky nerotrequovaného skla od sklenáře, zatoč to vše do koule a provés do komína. Zlo děj tvůj bude naramne boleseti snášeti pícháním ve všech ouděch a sam se vyzradí.»²⁰⁴ Сопоставленіе терновыхъ вѣтокъ, булавокъ и стекла ведетъ къ тому, что основанія отношенія терновника къ упырю и вѣдьмѣ слѣдуетъ искать въ представленіи колотъ, которое сближается съ огнемъ и терновникъ съ кропивою.²⁰⁵ Колючіе кусты терновника, подобно кропивѣ, замѣняютъ, костеръ, огонь Брингильда, усыпленная Однимъ, лежитъ, окруженная огненною оградой; въ соотвѣтствующей Нѣмецкой сказкѣ²⁰⁶ красавица спитъ въ замкѣ, который обростаетъ непроницаемою стѣною терновника. Если терновникъ замѣна огня, и если онъ враждебенъ къ упырю и вѣдьмѣ, то онъ долженъ бы находиться въ подобныхъ отношеніяхъ и къ сну, дремотѣ, которые сближаются съ мракомъ, а между тѣмъ одинъ погружаетъ Брингильду въ глубокой сонъ, уколотивъ ее терновымъ шипомъ (Сканд. svefnorn, Нѣмецкое Schlafdorn), Дорнресхенъ засыпаетъ, уколотившись веретеномъ, а красавица, въ соотвѣтствующей Итальянской сказкѣ, льняною кострикою. Въ Русской сказкѣ человѣкомъ овладѣваетъ сонъ отъ того, что въ его платьѣ воткнута булавка.²⁰⁷ Такимъ образомъ уколъ не противодѣйствуетъ сну, а наводитъ его. Быть можетъ, по этому-то дерновому кусту (дріень, cornus mascula) передается лѣнь и дремота: «Я кадъ видѣлъ зеленъ дріень, предадохъ му вась

²⁰³ Houška II, 533.

²⁰⁴ Ib. 330.

²⁰⁵ О нѣкотор. симв. 31. Ср. сближеніе: «трне бодѣ, а коприва жарѣ.»

²⁰⁶ Grimm, Märch. I, 251; III, 85. Pentamer, въ перев. Либрехта I, XII.

²⁰⁷ Аван. Ск. V, 212.

мой дріємъ и лієнь, кое угледавши у пролете први дрієнь съ цвіетомъ, рекне онай, кой є радъ, да му се не дріємле онога лѣта).»²⁰⁸ Гриммъ думаетъ, что въ самомъ имени спящей Царевны Dornrose есть указаніе на связь шиповника и сна; наростъ на шиповникѣ называется *schlafapfel*, по тому что если спящему положить его подъ подушку, то онъ не проснется, пока не вынуть этого порошка.²⁰⁹ Подобное повѣрье есть и у Чеховъ: «Na šipku vyrostе spánek, jinak pokažená ruže šipková, v jejížto jablíčku zavily červik se naleza; tyž spánek trhají mládenci zamilovaní a panny... potajmo, nejvíce na jaře před slunce východem, a kladou to jední druhým potajmo do loží (jakož i matky a baby dětem do kolíbek honastrkají), aby dobře spali a libe sny měli, jední druhým věrní zůstali a sebe milovali.»²¹⁰ Возможно, что это противорѣчіе мнимое, и что самый сонъ, равно какъ и черный цвѣтъ, сближается съ огнемъ.

Осина пользуется дурною славою. Русь считаетъ осину проклятымъ деревомъ, по тому что на немъ повѣсился Іуда, по чему листья осины трепещутъ и безъ вѣтру.²¹¹ Согласно съ этѣмъ у Гуцуловъ осика трепета. По Сербскому повѣрью, осина проклята за то, что не замолкла во время пѣнія Святыхъ.²¹² Однако, осина, надежное средство отъ упырей и вѣдьмъ. Если пробить упыря, на пр., дубовымъ коломъ, то это не помѣшаетъ ему вставать изъ могилы,²¹³ а если осиновымъ, то больше не встанетъ.²¹⁴ Въ Малороссіи (Черниг.), въ ночь на Купала, для предохраненія коровъ отъ порчи вѣдьмами, кладутъ на воротахъ хлѣвовъ малое осиковое дерево, вырванное съ корнемъ.²¹⁵ «Якъ вѣдьма вѣдбере молоко вѣдъ коровы, треба тесати осиковы кѣлки до порога. Вѣдьма

²⁰⁸ Карадж. Рѣчн. Лієнь.

²⁰⁹ Grimm, Myth. 1153.

²¹⁰ Sumlork II, 400.

²¹¹ Терещ. VI, 401; Шейков. II, 177.

²¹² Карадж. Пѣс. I, 118—119.

²¹³ Wajyl. O up. a wid. 236.

²¹⁴ Терещ. и Шейк. тамъ же.

²¹⁵ Сементовскій, Молодикъ. 1843 г., 942.

заразъ прибѣжить и буде просити, щобъ того не робити, бо и болить»²¹⁶ «Пѣдъ осиковою, або пѣдъ залѣзною, бороною можна виховати пса-вѣщуна (ярчука).»²¹⁷ И въ другомъ случаѣ сопоставляется осина и желѣзо: «опиръ боится также залѣза. Тѣмъ бо и стромляють у насъ у вѣкно протири (изломанныя иголки).»²¹⁸ Убитую змѣю вѣшаютъ на осинѣ. ²¹⁹ Возможно, что выше приведенныя повѣрья объ осинѣ, какъ проклятомъ деревѣ, относительно новы и обязаны своимъ происхожденіемъ тому уваженію, какое оказывалось этому дереву въ язычествѣ. Причиною, по которой осина враждебна упырю и вѣдьмѣ, можетъ быть или горечь этого дерева («горькая» — постоянный пѣсенный эпитетъ осины), или свѣтлая его кора. Быть можетъ, въ самомъ имени осины есть указаніе на сродство со свѣтомъ. Ср. Сербское яс-ика и яс-ный, яс-ень.

А. Потребня.

1863 г.

²¹⁶ Шейковскій, II, 17.

²¹⁷ Тамъ же.

²¹⁸ Тамъ же.

²¹⁹ Даль, Словарь.